

Sigita J. Welsh

Потерянный мир

Вторая Книга

Sigita J. Welsh

Потерянный мир. Книга Вторая

«Автор»

2026

J. Welsh S.

Потерянный мир. Книга Вторая / S. J. Welsh — «Автор», 2026

Их десять. Больше на земле не осталось. Каждый носит в крови ремесло, а в кармане — вещь, меняющую суть. Они остаток. Отбросы двух миров. Пока они идут навстречу друг другу, в мёртвой стране их уже считают: десять силуэтов в камне. Десять шестов у башни. Дверь домой можно открыть только вместе. Или не открыть никогда. Она ждёт. Малумы тоже. Эпическое фэнтези в двух книгах. Сага в которой ищут мир, а находят себя. Вторая часть

© J. Welsh S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предсказание Шильды и тайная дверь	6
Беги, если хочешь жить	29
Долина Сиреневых ветров	46
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Sigita J. Welsh
Потерянный мир. Книга Вторая

Глава

Глава первая

Предсказание Шильды и тайная дверь

В мастерской Дагхэда свет теперь горел круглосуточно. Консунты работали без отдыха. Хьюго отобрал у Алаун Глаз Дракона и почти не выпускал его из рук. Сутками всматривался в мутный хрусталик, следя за визидарами. Фигуры становились всё чётче. Ближе. Их число росло.

А сегодня, когда в глубине камня проступили сразу десять силуэтов, Хьюго замер.

Кровь отхлынула от лица. Грудь сжалась так сильно, что он схватился за край стола. На мгновение перестал дышать. Сердце затрепыхало, как зверь в силке. Ударило несколько раз тяжело, неправильно - будто споткнулось.

В глазах потемнело: «Только бы не апоплексия... Сволочи, они меня довели... Что-то я разнервничался...»

Пальцы Хьюго онемели. Холодный пот выступил на висках. Он жадно прислушивался к собственному пульсу, считал удары, боялся пропустить сбой. И стоял, застыв, пока тело не стало работать в обычном режиме.

Десять! Теперь ремесленников десять! Значит не врала старая ведьма Шильда!

...Много лет назад, наскоро сшив очередную консунту, он положил её в воскрешающий ящик. Но не заметил, что в кармане тряпья, натянутого на бранные останки, остался пучок кастевидеуса - травы, дающей дар провидения. Уж как пучок запрещённой травы оказался в кармане старухи, которую Хьюго создавал всего лишь для работы на кухне, он не знал. Но когда вокруг консунты началось свечение, и трава выплыла из кармана, соединяясь с особью, Хьюго чуть не взвыл.

Он, конечно же узнал замечательное растение эндемик, который добыть можно было бы только снова попав в Визидарию! Ему бы эта славная трава могла пригодиться и самому! Но вытащить пучок Хьюго уже не мог: процесс оживления шёл в полную силу, а сливаться со старухой в одно - планов у него не было. Пришлось прикусить губу и ждать непредсказуемого результата...

И вот из воскресающего ящика поднялась та, которую Хьюго назвал ведьмой Шильдой.

Её кривой рот постоянно извергал пророчества - тёмные, вязкие, словно смола, капающая с ветвей древа Познания. Долгие годы Шильда забавляла его, как любимая игрушка: стояла рядом в полумраке и выдавала ответы, от которых часто кровь стыла в жилах. Чтобы заглянуть в будущее, ей хватало одного прикосновения - к камню, к металлу, к человеческой коже.

А больше всего на свете Хьюго жаждал узнать правду о Визидарии - той, что исчезла за горами, по ту сторону невидимой стены. Однажды он принёс ведьме обломок камня, вырванный прямо из основания проклятой преграды. Шильда взяла его в морщинистые ладони, потёрла, принялась и прошептала:

- Визидарию могут вернуть к жизни десять ремесленников. Их кровь осталась в миру, за пределами невидимости. Они отыщут свои толы, соберутся воедино и придут прямо к твоим дверям. Десять древних родов с самой чистой, самой яростной ремесленной кровью.

- А если я убью их всех? - Хьюго наклонился ближе, глаза его горели хищным огнём. - Тогда Визидария будет моей навсегда?

Шильда качнула головой, веки её сомкнулись, как тяжёлые ставни.

- Не знаю... Чувствую лишь одно: впереди - страшная битва. Кто в ней победит, тот и завладеет всей страной. А остальное... остальное скрыто даже от меня.

Хьюго тогда с раздражением почуял - старуха что-то недоговаривает. Старая тварь. Но она молча отвернулась, отказавшись продолжать.

...А вскоре грянул праздник в честь Алаун. Они стояли на вершине Ведьминого Пальца, и Хьюго лично запускал потешные огни. Из огромной медной чаши, установленной внизу на земле, с оглушительным рёвом вырывались тысячи искр. Они взлетали почти на милю вверх, танцуя в ночном воздухе, как живые духи. Огненные кружевные ленты вились, сплетаясь в объёмные узоры из звёзд и лились звездопадами. Переливались фонтанами из огня. Небо превращалось то в огромную скатерть, расшитую бисером пламени, а после - в живой купол из мерцающих светлячков, накрывающий зрителей. Воздух пахнул серой и сладким дымом, а крики восторга смешивались с грохотом взрывов.

Рядом с Хьюго и Алаун, среди приближённых, стояла и Шильда - сгорбленная тень в лунном свете. Настроение у Хьюго было чудесным, мальчишеским. Увидев ведьму, он хлопнул в ладоши:

- Шильда! Напророчь что-нибудь моей Алаун - в подарок!

Старуха взяла девушку за тонкую руку, замерла, вглядываясь в себя. И медленно заговорила:

- Ты несчастна, дитя. Словно вывернута шиворот-навыворот. Но скоро в тебе родится любовь. Большая, всепоглощающая. Она разорвёт цепи. И сделает тебя снова живой... Любовь твоя будет черна, как безлунная ночь...

Все взгляды мгновенно метнулись к Хьюго - всегда одетому в чёрное, словно сама тьма. Он довольно расхохотался, запрокинув голову:

- Вот видишь, Алаун! Я же говорил: в конце концов ты меня полюбишь. А старушка Шильда никогда не врёт! Теперь предскажи и мне. Когда мои желания наконец исполнятся? - и Хьюго протянул ладонь ведьме.

Ведьма взяла его руку - холодную, сильную. Закрыла глаза. И после долгой паузы произнесла:

- Твоё сердце тёмное, Хьюго. В нём гнездятся такие желания, что даже я дрожу... Хорошо, что они никогда не сбудутся.

Сначала Хьюго опешил. Потом ярость вспыхнула в нём, как тот самый потешный огонь. Только не угас, а разгоревшись, мгновенно поджёг сознание. И оно запылало. Сполохи отразились в глазах. Лицо его исказилось, пальцы вцепились старухе в горло, словно клещи.

- Ты сломалась, старая карга?! Всё сегодня у тебя чёрное и проклятое! Скажи, что обманула меня! Скажи сейчас же!

Он тряс её, словно тряпичную куклу. Шильда молчала, только глаза её смотрели спокойно, с жалостью. Именно этот взгляд, похожий на материнский, Хьюго окончательно вывел из себя. Он с рыком ударил ведьму по лицу, перегнул через парпет и швырнул вниз.

Все замерли.

А Хьюго долго, с наслаждением, смотрел, как падает её тело - нелепо раскинув руки, кувыряясь, словно мешок с тряпками. Ударилось о камни внизу и, с влажным, отвратительным хрустом, развалилось на части.

Ещё одна победа.

С довольной ухмылкой Хьюго повернулся к остальным:

- Шильда, к сожалению, испортилась. И нас скоростаживно покинула.

От удачной шутки он счастливо расхохотался.

* * *

...Но сейчас пророчество Шильды о десяти визидамах-ремесленниках начинало сбываться.

Хьюго чувствовал кожей - встреча была близко, совсем близко. В нетерпении он выскочил из комнаты и помчался в мастерскую.

Профессор Джейкоб с помощниками как раз заканчивали облачать в новые латы очередного малума. Тот выглядел поистине устрашающе: шипы, сталь, пустота внутри.

- Что ж, - довольно протянул Джейкоб, вытирая руки, - мы разобрались, как работает стена защиты. Скорее всего, усилитель спрятан на Башне Силы - идеальная точка, по вашим рассказам. А дальше защита усиливается на границах теми самыми погодными столпами... или чем-то вроде них. Ремесленники не придумали ничего нового - просто переделали старую технологию, времени у них было немного. Мы сейчас внутри этой самой силовой стены. Поэтому и сидим в вечном тумане, не можем выбраться. Осталось лишь понять, как её разрушить. Тогда мы проникнем и в тот мир, и в этот.

- Поскорее бы... И я наконец воплещу всё, что задумал, - кивнул Хьюго, глаза его блеснули.

- Малумы усилены, - Джейкоб указал на закованного рыцаря. - Мы не знаем, как изменились визидары за четыреста лет. Какое у них теперь оружие? Возможно, голые малумы им уже не страшны. А теперь... теперь мы готовы к схватке. Единственная заминка: сами малумы по-прежнему невидимы для визидаров, но доспехи мы не смогли сделать прозрачными.

- Отлично! - Хьюго оскалился. - Так они выглядят ещё страшнее.

Он взглянул на шипастый шлем с пустыми глазницами и зияющей дырой вместо рта. Представил, как визидары увидят живые латы - а внутри них пустота, которая за секунду может сожрать. Теперь каждый малум стоил двоих - душа заликовала.

Один из помощников, почтительно склонившись, поднёс Амулет Мощи:

- Мы любим тебя, Хьюго! Возвращаю, мой господин. Мы изменили его. Теперь вы сможете управлять всеми малумами разом - одной лишь мыслью, без единого слова.

- Как вам это удалось? - Хьюго жадно схватил амулет, в носу защемило от счастья, глаза увлажнились - какой праздничный день!

«Я невероятно чувствителен, - промелькнуло у него в голове, - утончён и слишком терпелив. Секунда, и уже забыл, как злился на этих неотёсанных болванов. Доброта меня погубит».

- ... Ваш Амулет и так был силен, - заунывно продолжал консунт, как служба в церкви. От этого его хотелось пристукнуть, - а теперь через него вы - единый мозг с армией. Мы взяли по крохотному кусочку от каждого малума и сплавляли с металлом. Как амулет подчиняется вам, так теперь подчиняются и они. Все разом.

- Надо проверить! - Хозяин вспотел, покрывшись пятнами и едва не подпрыгнул от восторга. - Прямо сейчас!

По извилистым коридорам, еле успевая за летящим на энтузиазме Хьюго, вся компания поднялась на поверхность развалин - туда, где когда-то был огромный замковый двор. Сейчас среди валунов и обломков стен ещё виднелась старая брусчатка, плотно покрытая зелёным мхом.

Хьюго встал посреди площади. Поднял руки, азартно и артистично потряхнул кистями.

И земля ответила.

Из-под ног, с гулким треском и звоном металла, начали подниматься его воины. Малумы, блестя новыми доспехами, выстраивались рядами, поднимаясь вверх, словно призраки из могил. Вскоре в небе висел огромный, бесконечный куб - идеальные шеренги солдат. На головах - устрашающие шлемы, усеянные колючками. Локти, колени, плечи - тоже в шипах, готовых рвать плоть.

Хьюго долго и одухотворённо дрессировал солдат, пока армия не стала послушной, как собственные пальцы: по мысленному приказу рыцари рассыпались по полю, собирались в клин, окружали цель или замирали, как статуи.

Через пару часов, довольный до дрожи, он спустился ужинать. За столом не мог скрыть восторга - глаза горели, руки беспрестанно танцевали:

- Вот увидишь, Алаун! Это будет нечто эпическое! Настоящая бойня! Что на свете страшнее слова «ужасный»? - озорно спросил он и на миг задумался, потом махнул рукой. - Впрочем, неважно. По тому, как потом назовут эту битву, мы и поймём, кем станем.

У Алаун заныла лодыжка. Боль поднялась тупой, знакомой волной. Алаун чуть не застонала и вовремя прикусила язык. Схватиться за ногу значило вызвать взгляд. Взгляд Хозяина был хуже щипка: он не оставлял синяка, он оставлял приказ сидеть ровно.

Она заметила за собой эту привычку давно. При Хьюго пальцы ног сами сжимались в туфлях - единственное движение, которое не бросалось ему в глаза и которое он не мог контролировать. Маленький, почти стыдный бунт тела. Десять пальцев, спрятанных в коже, твердили то, чего рот не имел права сказать. Но от этого постоянного, скрытого сжатия в последнее время ноги сводило судорогой. Даже бунт больше не хотел остаться незамеченным - и начинал мстить телу.

- А зачем у входа в башню установили эти странные шесты? - нервно глотая воду, спросила девушка.

- Готовлюсь к встрече с ремесленниками, дорогая, - Хозяин был весел. - Ты не заметила? Ровно десять шестов. По одному на каждую голову, которую я там повешу.

Алаун перестала есть. Вилка замерла над тарелкой, бесполезная, как все её слова. Взгляд упёрся в Хьюго и застыл льдом. Не от ненависти - ненависть была бы роскошью, на неё нужно право. От того, что внутри что-то тонко треснуло: тот тёплый остаток утра, который она прятала от него, как коробку чая.

Он не заметил. Увлечённый планами грядущей резни, он жевал и строил мир заново - свой, с виселицами вместо яблонь.

«Скажи хоть слово, - приказывала сердцу Алаун. - Скажи: не надо. Скажи: они тоже дышат. Скажи: хватит Хьюго! Прекрати!».

Но слова не вышли. Они застряли там же, где всегда: ниже горла, выше сердца, в том месте, которое он любил сжимать пальцами, называя это нежностью.

Она вспоминала, как он сегодня чмокнул её в макушку и одновременно ущипнул за плечо - счастливый, почти мальчишеский жест. И как в зале, двумя этажами выше и двумя часами позже, его голос срывался на хрип, когда он искал «эту чёртову дрянью Алаун», чтобы вылить в неё свою обиду. Она была единственной живой, кому можно жаловаться. Единственной - и всё равно не человеком. Сосудом. Слушаньем. Тёплым удобным отхожим местом.

«Если я сейчас кивну, он решит, что я согласна, - думала Алаун. - Если отведу глаза - решит, что я слаба, и станет невыносимо громким. Если покажу лёд взгляда слишком явно - лёд растопит насильно. Он умеет. Четыреста лет я учусь не быть ни тёплой, ни холодной. Быть удобной температурой. А ноги в туфлях всё равно кричат. Скоро и они перестанут слушаться. Тогда он заметит. И отнимет даже это».

- Главное - внезапность, - продолжал он, жадно откусывая мясо. - Иначе от этих уродов можно ждать чего угодно. А мы ударим первыми! И мир падёт к нашим ногам.

Нашим. Слово упало между ними, тяжёлое, фальшивое. Мир не падал к её ногам. Её ноги сводило. Её ноги знали только пол каземата и путь в этом доме на кухню, где она, , пила чай среди поварих, потому что там хотя бы гремели котлы, а не пустые души.

Он опять радостно, по-детски, рассмеялся.

Алаун медленно положила вилку. Пальцы в туфлях сжались до боли - последний, невидимый кивок самой себе: ещё жива. Ещё не сказала «да». Ещё не сказала «нет». Держится на этой тонкой, позорной середине, где можно дышать, не вызывая гнева.

И лёд в её глазах не таял. Хорошо, что он не видел. Хозяин, смеясь, смотрел сквозь него - как смотрят сквозь мебель, которую не собираются менять.

...А визидары в это время продвигались по просторам Литвы. Они шли по просёлочным дорогам, глядя по сторонам. Воздух вокруг был пропитан запахом сосновой смолы, прелой листвы, родниковых заводей, смешанных с осенним дыханием полей.

Литва - государство маленькое, и от этого всё здесь казалось более ярким, насыщенным, сгущённым - ароматы, цвета, звуки. И чувства.

Теперь у всех появилось странное, тревожно-радостное настроение. Ему ещё не было имени, но оно уже жило в крови - будоражило, не давало покоя.

С таким ощущением просыпаешься накануне чего-то важного.

Обычное утро. То же небо. То же солнце вперемешку с облаками. И всё же в воздухе есть что-то иное. Невидимая частица. Неслышный звук. Тонкая вибрация, которую душа узнаёт раньше разума. Сегодня. Неизвестно что. Неизвестно как и где.

Но - сегодня!

Шли быстро, легко обгоняя неспешную жизнь вокруг: ухоженные кирпичные деревушки, выметенные дворы, старые лодки и развешанные по заборам сети. Белоснежное холщовое бельё с тканными кружевами, что мирно покачивалось в садах, ловя лучи осеннего солнца; нежная песня девушек, которые собирали в цветные передники грецкие орехи, стряхивая их жердями с деревьев. Они пели на литовском, пересмеиваясь, и это ещё сильнее бередило душу.

- Литовский язык волшебный, - услышав разноголосье девушек, Пятрас на секунду остановился, вслушался, - в нём поют ветра над вековыми дубами Дзукии, шелестят озёра, где русалки когда-то плели венки из цветов папоротника, и звенят мечи предков, защищавших свободу. Вы слышите? Мягкие, словно бархатный мох, гласные ласково обнимают слух, а звонкие согласные - острые, как сосновые иглы под ногами, - напоминают о силе и гордости.

- Да, удивительный язык, - кивнул Леонар, - даже с точки зрения филологии необычный...

- Это язык, в котором каждое слово - заклинание, - продолжал Пятрас. - Вслушайтесь. «Meilė» - мягкое, обнимающее. Не просто «любовь», это тепло материнских рук над колыбелью всей страны. «Laisvė» - шелест ветра. Не просто «свобода», это крылья, расправленные над полями, где когда-то пели птицы судьбы. Говоришь по-литовски - и касаешься самого сердца Литвы: тёплого, упрямого, бесконечно красивого. Это язык, который любит тебя обратно, крепче, чем любой другой на земле.

Пятрас в волнении склонил голову и замолк.

А девушки в саду всё продолжали петь. Птичьи стаи подхватывали их голоса, рассыпавшиеся на нежные ноты и разносили сеять в благодатную землю далеко по холмам.

И холмы здесь были не просто холмами - каждый дышал древней памятью, живыми следами: то вдруг вынырнет из-за перелеска деревянный костёл - ухоженный, чистый; то мелькнёт в кустах можжевельника старый курган - прибранный, украшенный; то в бору, на пересечении дорог, внезапно возникнет одинокая могила, на которой кто-то оставил лесной букет.

Здесь, на литовской земле, чувствовался огромный живой пласт, что лежал близко на поверхности - слой старины, чуть лишь присыпанный светлым песком, поросший мхом, прикрытый папоротниками. Он пульсировал под ногами, отдавался в венах. Каждый камешек здесь был сконцентрированной, спрессованной летописью. В которой легенды переплелись с великими биографиями, скрутились в узлы с хронологиями, прошились традициями, заволоклись сказками.

На каждом памятном месте поднимались кресты: маленькие полевые с выцветшими надписями; богато украшенные чугунные с позолоченными листьями; деревянные, увитые цветами, под черепичными крышами-часовенками... А крестов здесь было много - где ещё найдёшь землю, больше пропитанную историей?

На одном из возвышений сделали привал.

И Стурла, коротыш Стурла - суровый, бесхитростный грубиян, долго вглядывался в то, как колышутся сосны. Не как кузнец смотрит на дерево, из которого выйдет черенок. Совсем иначе - как человек, которому внезапно отняли право притворяться железным.

Ветер шёл с озёр - влажный, хвойный, с тонкой нотой дыма из невидимых труб. Сосны качались недружно, каждая в своём такте, и от этого живого беспорядка в груди что-то сдвигалось с места.

Потом Стурла повернулся к остальным. Взор был увлажнённый - от той незащищённости и уязвимости, от которой стало немного не по себе: будто у коротышки сняли шлем вместе с кожей. И он изрёк то, что чувствовал каждый:

- Здесь дышится полной грудью. Легко, вольно, свободно. И мучительно сладко ноет под ложечкой. В каждом порыве ветра чувствуется пробирающее до костей прон-зи-тель-ное чувство - ты приближаешься к родному.

Никто не ожидал от Стурлы такой лиричности. Но слова были в точку. Словно и не он говорил - а вытащил горячий нерв, натянул тетиву и пустил в самое сердце. До мурашек проняло. У Марио перехватило горло. Пинар незаметно прижала ладонь к тому месту, где на груди лежал лоскут материнского платка. Янмей перестала качать в руках ромашку и затихла, большая и серьёзная не по годам.

Леонар стоял чуть позади, опираясь на трость сильнее, чем требовала нога. Пальцы на набалдашнике побелели.

Ему всю жизнь было безопаснее среди бумаг. Бумага не дрожит. Бумага не смотрит в ответ. А здесь дрожало всё: свет на воде, мох на валунах, даже воздух - будто долина дышала им в лицо и ждала, что они наконец выдохнут правду.

«Запиши, - шепнул ему привычный внутренний голос. - Запиши про сосны, про ветер, про то, как Стурла вдруг стал поэтом. Потом это войдёт в летопись».

Но рука к сумке не потянулась. Впервые за долгое время Леонар испугался не забыть - а не почувствовать. Бумага могла украсть этот миг, сделать его красивым, но мёртвым.

Ему вспомнилось поместье: холодные коридоры, портреты, которые смотрели сквозь него, каталоги тайн, где не было графы «тоска». Где не было слова «ностальгия». Он собирал чужие корни, чтобы не копать свои. А теперь земля сама лезла под ногти - без разрешения, без описи.

«Если я сейчас заплачу, меня увидят не летописцем, - думал Леонар. - Увидят мальчика, который прятался за книгами, потому что живые разговоры резали. Если не заплачу - предам вот это, что ноет под ложечкой у всех, и у меня тоже. Я хотел быть памятью рода. А память, если честна, должна сначала заболеть. Боюсь не того, что впереди. Боюсь, что дом, которого я никогда не видел, узнает меня раньше, чем я успею придумать для этого правильные слова. И тогда слова окажутся лишними. Останусь я. Голый. Без сноски».

Трость чуть дрогнула и повалилась. Он перехватил её, как чужую руку.

А Тафари подхватил мысль Стурлы, как лёгкую былинку, что колыхалась в воздухе:

- Пока всё вокруг незнакомо, но где-то в глубине уже включились забытые рецепторы крови, которые узнают: запах, фактуру, цвет, звуки... Заставляют бурлить душу. Бередают, волнуют...

- Мне всё кажется, - продолжила Мэдлин, и голос её дрогнул на стыке чувств, - вот за этим поворотом, за этим озерцом или мостиком у мельницы мы наконец увидим то, что узнаем; то, по чему сразу поймём - мы дома. Ощущение, от которого мне хочется плакать и смеяться одновременно. Никогда не была здесь. А всё близкое.

Она прижала ладони к груди, к растрёпанному на ветру алому банту, словно боялась, что сердце выскочит.

- А я, раз пришла минутка сентиментальности, - оглядел всех малоразговорчивый Итиро, - хочу вам сказать: мой дом там, где вы - родные для меня души. Когда находишься в дурной или ненужной тебе компании, где тебя считают дураком, ты и есть - дурак. Жизнь кажется беспросветной норой - ограниченной и никчёмной. Но когда находишь свою стаю, свой мир, свою среду - жизнь меняется. Ты меняешься. Растёшь. Умнееешь.

Он замолчал, будто сам удивился, что выговорил так много. Ветер шевельнул чёрные пряди у лица - и на секунду стало видно того мальчика из сарая, который сидел у спящего деда и не умел попросить: не отворачивайся.

Леонар кивнул. Один раз. Коротко. Как ставят печать - только не на мораль или вердикт, а на признание.

Он не сказал ничего вслух. Ему хватило чужих голосов: они уже написали за него ту страницу, которую он всю жизнь откладывал на потом. В груди ныло мучительно сладко - точно так, как сказал Стурла. И Леонар, летописец, впервые позволил себе не искать формулировку.

Он просто дышал. Полной грудью. Вместе с ними. В сторону дома, которого ещё не было на карте - и который уже был у самой кожи, покрывшейся мурашками.

Но сказать хотелось. И он нелепо, не к месту, начал нести чушь, и сам это понимал:

- Не могу не согласиться, - он кивнул, - это и есть развитие твоей личности... В интереснейших работах Гордона Олпорта - американского психолога мы находим...

Все выразительно скосили глаза на Леонара, он осёкся и понимающе замолчал.

- Кость от кости, - глаза Пятраса посветлели, - отчизна. Наш личный Иерусалим.

- Почему Иерусалим? - удивился Стурла, повернувшись всем корпусом.

Пятрас долго смотрел вникуда. Выше сосен, выше птичьих песен. Кажется, сейчас он видел всю Литву разом. А потом заговорил. Он говорил не визидарам. Он обращался, кажется, к самому воздуху, земле, к деревьям:

- Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя. Прилипни язык мой к гортани моей, если не поставлю тебя выше всякой радости моей.

Если камни твоих мостовых перестанут

стучать во мне, как кровь, пусть сердце моё станет камнем. Если я променяю прах улиц твоих на мрамор чужих дворцов - пусть руки забудут всякое дело, а глаза - свет.

Ты - кость от костей моих и плоть от плоти моей. Не город только, а то место, где меня нарекли по имени. Где земля ещё помнит шаг отца, и ветер носит запах дома через годы и границы.

Если забуду тебя в земле сытой и спокойной, пусть сама сытость станет мне голодом. Если назову чужое своими, своё - чужим, пусть имя моё изотрётся прежде, чем тело.

Ибо ты не на карте. Ты там, где ещё болит. Где нельзя петь чужие песни, не предав свои. Где даже в изгнании человек остаётся сыном.

Если забуду тебя, Иерусалим - забудь меня, Господи. Потому что забывший тебя уже не помнит, кто он сам...

И нечего было добавить к словам его.

Даже Стурла - тот самый Стурла, которому обычно требовалось перековать чужую мысль в железо, прежде чем принять, - молчал. Шлем чуть сполз на лоб, борода не шевелилась. Всё и так было понятно. Без слов. Так понимают только то, что уже когда-то плакало в крови и ждало, пока кто-то произнесёт это вслух.

Ветер снова рванул сосны и затих, будто сам не хотел перебивать.

Только Леонар не выдержал тишины. Не из желания говорить - из страха, что если не назовёт, миг рассыплется и станет снова всего лишь красивым воздухом.

Он сглотнул. Трость чуть стукнула о камень.

- Начало... Это же Псалом сто тридцать седьмой?

Голос вышел тише, чем он хотел. Теперь в нём была не учёность - узнавание. Река. Ива. Арфа, повешенная на ветку, потому что петь в чужой земле не получалось. «Если забуду тебя...»

Леонар знал эти строки наизусть. Знал их в нескольких языках. Прятал за ними собственную ссылку - поместье, полки, жизнь, где родина была всего лишь каталогом. Описанием, сводкой, строкой в энциклопедии. Но не болью.

Граф поднял глаза на Пятраса и добавил, уже не веря собственной догадке, почти шёпотом:

- Но кто... кто написал продолжение? Ты?

Секунда повисла - длинная, хрупкая. У Мэдлин перехватило дыхание. Итиро невольно коснулся ключа на груди. Тафари смотрел не на великана - на его рот, который ещё недавно считали немым.

Пятрас быстро, коротко кивнул.

Один раз. Без напыщенности. Без пояснений. Как ставят святой камень на место, которое и так знало, куда ему лечь.

И в этом кивке было больше, чем в любой летописи Леонара: человек, которого всю жизнь принимали за пустую оболочку, дописал то, что веками обрывалось на чужом берегу.

Не псалом. Возвращение.

* * *

...Довольно скоро, с очередного возвышения, где ветер перемешивал высокую траву с васильками, визидары увидели город.

Он лежал внизу, как огромная драгоценная шкатулка, распахнутая для всех. И тут же оттуда полились на них густые колокольные перезвоны.

- Вот это и есть Вильнюс, - прогудел великан Пятрас, вытянув руку.

Настроение у всех мгновенно поднялось. Ремесленники переглянулись и решили: последний привал не нужен. Обедать будем уже там, среди живых улиц, откуда, кажется, даже здесь чувствуется, запах свежего хлеба и жареного мяса.

...Через час их обступили пригородные дома - белые, с красными черепичными крышами, с деревянными резными наличниками, где, кажется, под каждым окном висели горшки с бархатцами и петуниями.

А вскоре компания вышла на широкий проспект - настоящий литовский «бульвар жизни». Здесь было шумно и пёстро, как на ярмарке в день святого Казимира.

Нарядные горожане в шляпках и модных пальто прогуливались под руку; мальчишки-носильщики с тяжёлыми корзинами сновали между ними; громко переругивались торговки в цветастых платках, успевая предлагать прохожим горячие булочки с маком, солёные картофельные спиральки и соломку из копчёного угря. В лавках затаривались деревенские - они отличались одеждами и речью ярче, попроще, выразительней.

Между конными экипажами, мелькали новенькие автомобили - блестящие, чёрные, с медными клаксонами, что пугали лошадей резкими гудками. Лошади вставали на дыбы, а кучера громко ругались: «Чертово отродье, Перкуновы слёзы!».

Дальше начались базарные ряды. На стеллажах, полках и подставках висели, стояли, лежали горы изделий из янтаря всех цветов мёда.

- Вы когда-нибудь держали янтарь в руках? - спросил Пятрас.

- Нет. Но это что-то, явно сделанное не на Земле! Он словно замерший солнечный свет, - ответила Мэдлин за всех, любуясь янтарными гроздьями бус. - Будто кто-то собрал все настроения солнца и сварил их в волшебном котле...

- Ты права, - кивнул Пятрас. - А ведь это и не камень вовсе. Застывшая в морской воде смола сосен, что осталась на границе мира духов и реальности тысячи лет назад. Янтарь - визидар среди камней. Магический, он усиливает дар любого. Коснись янтаря, и ты коснёшься грани двух вселенных.

Каждый из группы выбрал себе на память что-то янтарное: Леонар и Тафари купили по булавке для галстука, девушки выбрали себе бусы, Пинар и Янмей - чётки, остальные взяли по гранёному камешку на память.

И они двинулись дальше.

С янтарём в кармане или на шее идти стало легче. Будто ещё один кусок давно потерянного пазла встал на место. Будто они уже вступили на порог дома, который считали сожженным. А дом пахнул на них покоем.

Только здесь, в этой шумной, разношёрстной толпе рыночной площади, визидары наконец перестали быть диковинкой. В большом городе никто никого толком не замечал: пройдёт мимо странный визидарец в плаще со смешными пуговицами или в необычном головном уборе - да и ладно, мало ли чудаков бродит по Вильнюсу? Казалось, что это город, в котором каждый был немного добрым оригиналом.

Правда, две старомодно одетые старушки у булочной всё-таки заметили ремесленников. С напояженными завлекашечками на сморщенных щеках, в чёрных платках, повязанных под подбородком, в праздничных передниках поверх длинных шерстяных юбок, старушки только вышли из костёла и громко, на всю улицу, обсудили всю нашу честную компанию. Перемыли им косточки:

- Глянь, какие девахи невоспитанные - в штанах ходят, срамота! - покачала одна головой, показывая перчаткой на Мэдлин и Бернис.

- А этот коротыш слишком мал! Что это за человек из сказочки? - указала зонтиком другая на Стурлу.

- Зато те двое, вон, чёрный как сажа и огромный, как копна сена в хороший сенокос, больно велики!

- А этот слишком кудряв...

- А тот с саблей в шароварах, видела?! Святая дева Мария...

- А вон тому в пенсе с тростью, дитю и женщине вообще нехорошо якшаться с такой неприличной компанией!

Старушки качали головами так сурово, будто уже вынесли приговор всей Литве - и вот, на визидарах, закончили, всё же благосклонно выдав им лицензию на жизнь в Вильнюсе.

Но уж таковы литовские старушки: строгие, всевидящие. Простим им. Хорошо, что они нас с вами не видели. Когда будете в Литве - не обижайтесь на них. Они добрые - только добро у них не выбегает навстречу. Оно стоит на пороге и долго смотрит: своим будешь или сквозняком.

Литовское сердце не распахивается для красоты. Оно сначала меряет другого тишиной, взглядом, зимами. А если всё же впустит - уже не на гостевое полотенце. Тогда в Литве отдают не улыбку. Отдают дом, спину в беде, последнюю правду. А побратавшись раз, срастаются молчаливыми корнями. Говрить не надо - у одного болит, у второго тоже ноет.

Пятрас купил у ближайшей торговки два букета ярких георгинов, выбрал из корзины лучшие и, поклонившись - огромный, почти смешной в этой почтительности, - вручил их ворчливым старушкам:

- Вам, пони.

Улыбка осветила морщинистые лица, глаза заблестели. Бабульки заулыбались, осеняя крестами компанию.

- В добрый путь, детки. Хорошей вам дороги, - сказала одна.

- Бывает так, что один тёплый поступок согревает целый холодный мир, - наклонила голову вторая.

Итиро смотрел на георгины и думал о жёлтой бабочке на плече деда у трапа. Цветы тоже были яркими сверх меры - будто мир иногда обязан кричать цветом, когда словами уже нельзя.

- Сейчас я поведу вас в особое место, - доложил Пятрас, понижая голос. - Там поедем по-человечески, выработаем план и решим, что дальше. Нам вон туда - под Острую Брамую.

Они прошли под белыми сводами старых городских ворот. Воздух пахнул на них прохладным ладаном и запахом задутых свечей: запахом, в котором молитва уже кончилась, а присутствие ещё стоит.

- Обратите внимание на Божью Матерь, что висит над воротами, - сказал Пятрас.

Лапицей он ткнул вверх, туда, где в окошке показалась икона невиданной красоты: с алого фона на них взирала прекрасная Мадонна в расшитых золотых одеждах. За нею светило огромное солнце, а перед ней блистал лунный серп.

Как только визидары подняли на неё глаза, алое вокруг женской фигуры вспыхнуло, проступая глубоким синим - с разбросанными по нему яркими звёздами.

Визидары застыли, словно окаменели. Рты пооткрывались, дыхание перехватило. Толпа обтекала их, как река огибает неподвижные валуны в русле, - равнодушно, шумно, не замечая, что для этой кучки чужеземцев вдруг замерло время.

Леонар первый понял, что ноги не слушаются. Не от чуда - от узнавания. Он всю жизнь каталогизировал чужие знаки. А этот знак смотрел на него первым.

- Знаете, что самое важное? - голос Пятраса прозвучал тихо, почти шёпотом, но каждое слово падало в души и расходилось кругами. - На этой иконе, когда на неё взглянет кто-то нашей крови, проступает точный рисунок звёздного неба Визидарии. Нашего с вами неба.

Слова ударили в самое сердце - резко, неожиданно. В груди у всех разом сжалось, будто невидимая рука стиснула лёгкие. Так бывает, когда мать, соскучившись, хватается неразумное дитя в объятия и закружит: дышать тесно, но уткнёшься в родную грудь - и хочется, чтобы миг не кончался.

Мэдлин медленно повернула голову к Бёрнис. Их взгляды встретились - и в глазах обеих вспыхнуло одно и то же: благоговение и такая пронзительная тоска, что слёзы навернулись сразу.

«Я хоронила эти рассказы, чтобы выжить, - думала Мэдлин. - Складывала их на дно. А небо не спросило разрешения. Оно просто вернулось».

Она прикусила губу до крови. Пальцы судорожно сжали руку подруги.

Бёрнис не отняла ладонь. Волчица внутри не рычала. Впервые она скулила - тихо, пощеньячи, от того, что дом оказался не берлогой, а взглядом сверху.

Янмей стояла неподвижно, только ресницы дрожали. Губы беззвучно шевелились - то ли молитва, то ли заговор:

«Наше небо... наше...»

Она боялась моргнуть. В детстве ей казалось: если слишком ясно увидишь, взрослые снова спросят «что дальше?» и отнимут минуту, в которой можно просто быть маленькой под большим. А сейчас она чувствовала себя у этих ворот как в себе, у дракона под боком.

Пинар прижала ладонь к груди, пытаясь удержать сердце, которое вот-вот вырвется и полетит вверх, к той звёздной карте.

«Дом сломался на холме, - думала она. - А порог, оказывается, висел здесь столетия. Я гладила дерево обломков. Надо было поднять голову раньше».

Стурла, обычно резкий и насмешливый, вдруг стал маленьким: плечи опустились, глаза расширились, как у ребёнка, который впервые увидел чудо и боится, что оно исчезнет, если моргнёт.

«Дэгни бы плакала, - мелькнуло у него. - А я стою. Шлем тяжёлый. Сердце тяжелее. Если это родина - почему так больно дышать ею?»

Тафари медленно поднял руку, словно хотел коснуться воздуха перед собой, - и замер, не дотянувшись. Следопыт умел брать след. Небо следа не оставляло. Оно само находило.

«Я вёл их по земле, - думал он. - А дорога, выходит, была над головой. Значит, я всю жизнь смотрел не туда. Или как раз туда - только слишком низко».

Марио сглотнул так громко, что слышали все. Шутка не пришла. Впервые сеть его молчания оказалась пустой - и это было почти счастьем.

Итиро сжал кулаки так, что руки побелели. Ключ жёг грудь. Он вспомнил иероглифы дождя на стекле, запах страха, дедовское: «Путь - это не дорога».

«Я искал Последние двери, - думал Итиро. - А первая уже здесь. Если подниму глаза ещё раз - уже не смогу сказать, что я всего лишь трус из тихой деревни. Придётся быть ключеносцем до конца».

Леонар дышал тяжело, прерывисто, как после долгого бега. Старая книга внутри него листала сама себя - и находила пустые поля, которые ждали именно этой страницы.

А Пятрас смотрел на них сверху - огромный, молчаливый. В глазах блестело непривычное. Он знал. Знал, что сейчас в визидах оживает та часть памяти, которую они считали навсегда мёртвой. Кровь бурлила, поднимая из клеток древние шорохи голосов предков.

Он сам когда-то стоял здесь мальчишкой - один, с дудкой в кармане и ярлыком дурака на шее, и смотрел, пока звёзды не проступили. Тогда некому было сжать руку. Сегодня - было. И от этого великану тоже хотелось плакать.

- Это не просто икона, - добавил он. - Это карта. Дорога домой. И она висит здесь столетия... ждёт вас.

Слова повисли в воздухе, как дым от свечи. Никто не ответил. Только высоко, над головами, в часовне Острой Браммы тихо запели колокола - медленно, протяжно. Они оплакивали и одновременно звали.

Мэдлин первой сделала шаг вперёд. Ноги дрожали. Она ещё раз подняла взгляд к золотому сиянию над воротами - туда, где в полумраке часовни на иконе мерцали звёзды, отчего-то знакомые. До боли, до слёз, до крика.

- Неужели... мы увидим их снова? - прошептала она, и голос сорвался.

Пятрас положил тяжёлую руку ей на плечо - осторожно, нежно.

- Увидите, - пообещал он. - Обязательно.

В этот миг толпа окончательно перестала существовать. Остались только они - десять визидаров, Мадонна и маленький кусочек звёздного неба над головой. Не чужая картина. Их собственное полотно, личный Ван Гог, писанный веками и залитый поверху кровью.

Оправившись, они залавировали меж прохожих дальше - вниз по улочке. Под ногами был булыжник Вильнюса. Над головой - ещё секунду - их небо. А между тем и другим шла стая, которой больше не нужно было спрашивать, домой ли они идут.

Они уже вдохнули порог.

Поглазели на костёл святой Терезы - его золотые алтари сияли даже сквозь витражи. Мэдлин и Бёрнис, пока другие визидамы собрались на углу, обсуждая дальнейший план, решили зайти внутрь.

У входа стоял пузатый привратник в чёрном с сытым лицом. Он преградил девушкам путь:

- Ангелочек, - обратился он к Мэд, - ты полна света! Тебе можно. А вот ты, - указал на Бёрнис, - ребёнок демона. Нечистое. Тебе внутрь нельзя. Отмаливай грехи на улице.

Мэдлин уже ступила на камень порога и остановилась. Внутри пахло воском. Снаружи стояла Берн. Воск вдруг показался Мэд липким, как в мавзолее.

Бёрн сверкнула глазами, хотела было возмутиться, но остановилась, передумала, обернулась на Мадонну, молча спустилась и зашагала вниз по улице. Мэдлин поспешила за ней. Ремесленники двинулись за девушками.

Из костёла вышел ксёндз. Он покачал головой и тихо сказал привратнику:

- Грехов, Антанас, у тебя больше, чем у этих людей, вместе взятых. К церкви приходят только божьи люди!

Привратник зло сверкнул глазами:

- Не от мира сего, вы, святой отец! Всё у вас безгрешные на порог приходят. А на прошлой неделе два подсвечника спёрли. Наверное, вот такие же... - он показал головой вслед визидарам.

Священник же, замахал руками и закричал визидарцам вслед:

- Эй, люди добрые, простите его!

- Не переживайте, святой отец! - ответила ему Бёрнис. - Святое - это не то, что пускают в костёл. Святое - то, с кем ты остаёшься на паперти.

Ксёндз лишь печально вздохнул:

- Я помолюсь за них... И за тебя, Антанас, - и зашёл обратно в костёл.

* * *

Компания же тем временем свернула в узкий, мощёный булыжником переулок. В самом его тупике стоял двухэтажный дом с грязноватыми стенами, а над дверью покачивалась вывеска, державшаяся лишь на молитвах хозяина: «Паб-гостиница Сердце волка».

Под вывеской висел проржавевший волк с разинутой зубастой пастью и вырезанным в груди аккуратным сердечком. Какой-то озорник перекинул через его клыки связанные стоптанные башмаки - кожаные, старые, но с прочными подошвами.

- Это память вильнюсцев о визидарах, - объяснил Пятрас, указывая на обувь. - Давным-давно наши предки много хорошего сделали для местных. Когда пришла беда, встали плечом к плечу. А башмаки... ну, литовцы так решили. Говорят: «Пусть визидары всегда имеют крепкую обувь, чтобы снова прийти, когда понадобится».

- А почему именно ботинки, а не букет или, ну-у-у, шапка? - хмыкнула Бернис.

Пятрас пожал огромными плечами:

- А вот этого даже я не знаю.

Он пригнулся, погладил тощего пса, сидящего у порога и нырнул в низкую дверь. Остальные последовали за ним.

В тёмном пабе пахло жареным луком, тмином и свежим пивом. Занято было всего два стола. Сидевшие там мужчины в клетчатых жилетах и кепках мгновенно замолкли, оторвались от тарелок и уставились на диких гостей, как на привидения. Потом начали перешёптываться, перегнувшись через полные миски.

В пабе был большой камин на вертеле которого крутился цилиндр. Хозяин аккуратно поливал его тестом и медленно крутил колесо, отчего стекающая жижа успевала прогреться над огнём и застыть в причудливых волнах.

- Впервые вижу, чтобы так готовили пироги, - уставился на конструкцию Стурла и принялся нюхать - пахло вкусно.

Хозяин - полный апатичный мужчина в засаленном фартуке, их уже заметил, передал работу помощнику и двинулся к ним.

- Что тут можно поесть так, чтобы желудок улыбнулся? - спросил Стурла Пятраса, косясь на вертел с тестом.

- Думаю, вас покорают цеппелины и вчерашние кислые щи, - сверкнул Пятрас улыбкой.

- Кислые? Вчерашние? - с недоверием переспросила Мэдлин и по-детски высунула язык, - даже звучит противно.

- Ах, как ты неправа. Поверь, есть и цеппелины вчерашние. И они тоже очень вкусные, - кивнул великан.

- Что будете заказывать? - меланхолично спросил хозяин.

- Вчерашние щи и цеппелины, - хором ответили за столом. Хозяин вздрогнул и оживился. Затем каждый ему стал заказывать наперебой питьё. Довольный, он принял заказ, записывая его в потрёпанный блокнотик и качая головой в такт каждому слову. Пятраса мужчина узнал сразу.

- Пятрюкас, тебе добавочное блюдо как всегда? - спросил хозяин, заговорчески подмигнув.

Великан кивнул.

Через некоторое время блюда с едой были расставлены. Щедрые миски вкусно пахнущих щей, присыпанных колечками зелёного лука и тарелки в которых цеппелины, похожие на летающий корабль Пинар, тонули в сметанно-шкварочном море. Слюни потекли рекой.

Перед Пятрасом, к его порции, хозяин торжественно поставил особую еду: толстые ломти жареного чёрного хлеба с тмином, остро пахнущие чесноком. Сверху всё это было присыпано расплавленным сыром, а на краешке тарелки лежал маленький стёртый ключик.

Пинар покосилась на странный набор и поинтересовалась:

- Литовцы едят ключи?

Пятрас пододвинул тарелку к себе ближе, глаза его блеснули.

- Ешь, - буркнул он с улыбкой. - Потом увидишь.

Ключ, конечно же, Пятрас не съел. А положил в карман.

Закончили они трапезу тем самым пирогом из камина, который хозяин успел снять с вертела. Он оказался из плотного пористого яичного теста.

- Обалдеть как вкусно, - причмокнул Стурла, запивая нежный кусок лимонным квасом с облепиховыми ягодами.

- Это называется Шакотис, - пояснил Пятрас, - и, говорят, в Визидарии, он тоже в чести.

- Угу, - забивал рот Стурла, уже не стесняясь, выхватывать самые крупные куски Шако- тиса с таралки.

Впрочем, визидарцы, как чайки на взморье, очень быстро от пирога не оставили ничего.

Когда поели, расплатились и поднялись со скамей, Пятрас повёл их не к выходу и не по шаткой узкой лестнице наверх, где гудело веселье. Нет. Он дождался, пока мимо проплыли две дамы в пышных юбках - те медленно поднимались, оглядываясь на визидаров с любопытством и смехом, не прекращая болтать. Как только их каблуки простучали по ступенькам и затихли, Пятрас свернул под старую деревянную лестницу и отпер низкую дверцу, которая едва доходила ему до пояса.

Великан согнулся в три погибели, сложившись пополам, и еле втиснулся в открывшееся тёмное отверстие.

Визидарцы переглянулись. Дверца была крошечной. Удивительно, как туда пролез такой исполин? Разве что Стурла мог бы войти, не нагибаясь. Но нет - когда все последовали за Пятрасом, даже у коротышши шишечка на шлеме зацепилась за верхнюю перекладину и чуть не слетела, от чего Стурла тихо выругался.

Сразу за дверцей начиналась крутая каменная лесенка, уходящая вниз. Визидары спустились в узкий сырой подвал.

Здесь пахло заброшенностью: забытые метлы, старые тряпки и прочий хлам валялись в углах. По ногам сильно дуло из щелей.

Пятрасу пришлось наклонить голову набок, чтобы не сбить висевшую под потолком сиротливую лампу, а плечами он касался одновременно обеих стен сразу. Коридорчик был коротким и заканчивался тёмным тупиком с двумя дверями.

Янмей протиснулась вперёд и указала на одну из них:

- Нам сюда.

- Почти верно, Воробушек, - покачал головой Пятрас, улыбнувшись, - но пока нам сюда.

Ключиком он открыл противоположную дверь.

Удивительно, но за ней обнаружилось достаточно просторное помещение: стол, лавки, пыльная кровать в углу. Стены и потолок были одного серого цвета с полом. Из украшений: трещины в побелке, разводы на шторах и паутина по углам. Над столом, под самым потолком, тускло светилось узкое грязное окно, в котором мелькали ноги прохожих.

- Это самый дешёвый номер в «Сердце волка», - объяснил Пятрас ремесленникам. - Но нужен он нам не за тем, чтобы здесь жить. За дверью напротив начинается один из старых проходов подземелья. Сейчас покажу на карте, где мы.

Он подошёл к столу, достал из-за пазухи свёрнутый кусок старой шкуры с нарисованной картой, разложил её и ткнул толстым пальцем в нужный сектор.

- А добраться нужно вот сюда.

Пятрас показал другое место. По плану выходило, что путь - лабиринтами, извилистыми и опасными, больше мили. Не прогулка.

- Я могу стать невидимым - не впервой - и сходить проложить дорогу, - спокойно предложил Итиро. Взгляд его был утомлён, костяшки пальцев сбиты от вечных неожиданностей. Но, прищурившись, он уже мысленно прокладывал путь.

- Нет в этом смысла, - отрезал Пятрас. - Маршрут я знаю и сам. Это только время отнимет.

- Может, сначала составим небольшую группу? Разведчиков? - предложила Бёрнис, глаза её блестели от возбуждения. - Я готова! Я даже могу пойти одна! Вечно я не при делах!

Не дожидаясь ответа, Волчица стала собирать вещи. Ресницы подрагивали, губы сжаты. От возбуждения близкой опасности она шмыгала носом, но была полна решимости - рвалась в подвалы, словно в бой, а не в тёмные ходы под городом.

- Подожди, - схватил её за рукав Следопыт. - Не торопись!

- Бедовые вы... Я уже думал об этом, - качнул головой великан. - Но вот в чём проблема: там слишком много опасностей. Уйдёшь в разведку - ещё труднее будет вернуться. И потом, дверь в конце мы откроем только все вместе. И тогда сразу уйдём туда, в другой мир.

- В другой мир, - медленно повторила Янмей, будто пробуя слова на вкус. - Да... нам нужно идти вместе.

- У нас недостаточно толков, - вступил в разговор Марио. Он отчаянно тёр шею, отчего она сразу стала пунцовой. Так Рыболов делал каждый раз, когда погружался в сомнения, - И наверняка нет такого ауксила, который помог бы пройти через катакомбы. Там, наверное, как в сражении с кеатли - нужна будет не только отвага.

- Ты боишься? - спросила его Мэд прямо.

Вопрос сел между ними, как его крючок: тонкий, цепкий, без маски. Марио с тревогой взглянул на неё. Но в её глазах не было презрения - только забота. От этого сделалось хуже, чем от насмешки. Насмешку можно отбить шуткой. Заботу приходится принимать голыми руками.

Рыболов покачал головой. Сначала отрицательно. Потом, помедлив, утвердительно - будто сам поймал себя на лжи и уже не захотел её оправдывать.

- Но не за себя, - уточнил он. Голос сел. - За вас. Как ни странно, я перестал трястись за свою шкуру. Такое бывает, когда понимаешь: есть ремесленники и поценнее тебя.

Мэдлин чуть сжала пальцы на ткани юбки. Ей захотелось сказать: «Не меряй себя сеткой. Мы не улов». Но промолчала. Она и сама боялась - не дубовиков. Того, что кто-то из них останется под землёй, и её коллекция потерянных улыбок пополнится.

- Мой дед говорил, - подошёл к ним Итиро, - готовясь к битве, страх оставь дома. Он сжирает слишком много сил. Будь зеркалом - равнодушным, но собранным. Когда в зеркале отражается огонь, оно не становится горячим. Появилось в нём отражение врага - тут же действуй, используя его силу и учитывая его слабость. Тогда ты победишь...

Итиро замолчал на полтона раньше, чем кончилась фраза. «Оставь страх дома, - повторил про себя он. - А дом теперь - они. Куда мне его оставлять?»

- Вы все гораздо лучше, - возразил Марио, глядя в пол. - Я то что...

В нём снова поднялась старая дыра: лишний в лодке, шутник при сетях, тот, кого прощают за улов, а не за душу.

- Слушай, ты эту тему брось. Повторяешь с самого начала, - Стурла вспрыгнул на продавленную кровать и сладко чихнул. Кровать жалобно крикнула.

- Вот уж ошибаешься, Марио, - похлопал парня по спине Леонар. Ладонь задержалась на секунду дольше, чем требовал жест. - Дружище, ты бросаешься из крайности в крайность. Если говорить о твоей ценности как визидара...

Леонар уже чувствовал, как слова сами складываются в абзац. И ненавидел себя за это вечное морализаторство. Сейчас нужна была не летопись. Нужен был человек, который скажет: ты нужен не как инструмент.

Стурла перебил:

- Леонар, сейчас твоя пси-хо-ло-ги-я ни к чему. Так мы идём? - он нетерпеливо заелозил, короткие пальцы уже считали маршрут по пунктам. - Первое: надо подготовить оружие. Второе: продумать тактику. Предлагаю разбиться по двое, Пинар и Янмей поставить в середину цепочки. И так передвигаться. Третье: дубовики. Если там есть эти твари, будет очень опасно. Надо посмотреть в оба.

Возразить было нечего. План был отличным. Хоть и наскоро сшитым, но единственно понятным - как жгут на ране: некрасиво, зато не даёт истечь.

Бёрнис у двери молчала. Нога сама отбивала дробь. Волчица внутри уже слышала подземелье: сырость, корни, много ртов. Ей хотелось идти первой. Унюхать, почуять. Защитить.

Готовились недолго. Убрали лишнее в сумки, переоделись удобнее, проверили оружие. Каждый жест выходил слишком тщательным - так складывают жизнь, когда подозревают, что не все вещи вернутся.

Пятрас к браунингу приготовил более привычное - длинный меч, а Итиро предложил закалить его Огненной палочкой.

Белый столп огня коснулся клинка. Комната на миг стала узкой от жара и света. Металл истончился, запереливался - и стал звеняще острым, будто выкованным заново.

- Вот это мощь у визидарских толлов! - восхищённо присвистнул великан.

Он примерился, сделал пасс - меч со свистом рассёк воздух, словно масло.

- У-у-ух! - только и вымолвил Пятрас.

В его глазах блеснуло не только восхищение. И тоска по годам, когда дудка поднимала камни в одиночестве, а тренировка с мечом была признанием, что он - не пустая оболочка.

- Да, представляю, какие инструменты ждут нас в Визидарии! - Марио мечтательно посмотрел в грязное окошечко, цепляясь за будущее, как за берег. - Там уж мы развернёмся. А сейчас... мне кажется, у нас до конца не хватает ни ума, ни знаний, чтобы понять, что у нас в руках и как этим правильно пользоваться.

Окно отразило его лицо криво. Он отвёл взгляд.

- Соглашусь, - кивнул Леонар. Уже тише, почти себе. - Я хочу написать развёрнутую летопись толлов. Информации отдельно по ним я так и не нашёл среди книг, но, возможно...

«Возможно, не успею», - не договорил он даже внутри.

- Пойдём уже, - буркнула Бёрнис.

Стурла одобрительно хмыкнул - мол, вот же болтуны. Конец длинной дороги рядом, а они, чудачки, словно не торопятся. Ему самому хотелось торопиться именно потому, что под ложечкой уже ныло: ещё минута - и кто-нибудь скажет лишнее, после которого уйти будет труднее.

Группа встала. Комната сразу стала чужой. Пустой. Как раковина, из которой вынули жемчуг.

- Может, присядем на дорожку? - нерешительно, не к месту вспомнила традиции родительского дома Мэдлин.

Голос прозвучал тонко. Ей нужно было не сидение. Ей нужна была секунда, в которой их ещё десять и никто никуда не шагнул.

- Хватит уже сидеть! Насиделись, как после зимнего пира! - Стурла аж подпрыгнул. - Долгие проводы - к лишним слезам! В путь!

Тафари кивнул первым - следопыту нельзя стоять на пороге слишком долго: порог начинает казаться домом.

Все посмотрели друг на друга. И тихо вышли из комнаты.

Те внутренние вибрации, что только зарождались, когда они шли к Вильнюсу, сейчас достигли апогея.

Пропитали каждую клетку. Страшно. Волнительно до предела. Кажется, сейчас лопнет душа от напряжения и силы чувств. Впереди был не самый важный экзамен и даже не самая важная встреча. Впереди абсолютно точно была смерть. И новое рождение. Новая жизнь за всех тех, кто стоял за ними. Это понимал сейчас каждый.

...Из верхнего коридора неслись звуки веселья, громко играло пианино. В пабе явно прибыло народа. Над головами, в такт задорной песни, которую кто-то горланил, не попадая в ноты, так энергично стучали каблуками, что с потолка на визидаров бесконечно сыпалась труха. Мэдлин раскашлялась.

- Давай! - скомандовал Стурла и влажной ладонью крепче сжал топорик.

Пятрас отпер дверь напротив и решительно толкнул её. Пинар ойкнула, Мэд зажмурилась.

Но за дверью никакого подземелья не оказалось.

Их встретила тесная пустая каморка, отделанная старыми необработанными досками. Снова паутина, пыль, грязь на каменном полу, к которым прибавилась сырость и плотный запах плесени - давно заброшенное место. Сквозняк здесь усилился.

Визидары в ожидании устали на великана. Он показал ладонью - спокойно, друзья, всё под контролем! Подошёл к одной из стен, быстро раздвинул две широкие доски в стороны и исчез в открывшейся темноте.

Стурла чиркнул по всем отрешённым нордическим взглядом, выдохнул и юркнул следом. Остальные полезли в дыру за ними.

За стенами каморки открывался настоящий проход: широкий, со сводчатым кирпичным потолком и каменным полом.

Пятрас уже где-то раздобыл факел и зажёл его. Тафари же по привычке достал волшебный фонарь. Великан шагнул первым, Тафари осветил его со спины - и опешил.

В свете фонаря из головы Пятраса явственно торчали олени рога - ветвистые, полупрозрачные, будто сотканые из тумана.

- Вот это да! Пятрас, ты знаешь, что у тебя на голове...

- Рога? Да. Знаю, - отмахнулся великан спокойно. - Это у меня от предков. Но вообще то это рога духовные. Значит, твой фонарик видит души. То есть визидарскую суть.

Тафари осветил остальных:

- Ого... Янмей, у тебя и правда на лбу глаз - светится и моргает! А у тебя, Пинар... смотрите, белые крылья и волосы на голове - точно перья...

У каждого визидара в свете фонаря проявилось что-то новое, скрытое.

- Тафари, а у тебя ничего нет, - заметила Янмей, вглядываясь. - Хотя нет... по бокам туловища, под одеждой...

Тафари задрал рубаху - в столпе света под рёбрами явственно виднелись полосы жабр. Когда он дышал, жабры двигались в такт дыханию.

- Почему я такого не видел раньше? - удивился Тафари, разглядывая фонарь теней - тот ничем не изменился.

- Возможно, было не до этого, - предположил Марио. - Ты же фонарём искал малумов.

- А ты не думаешь, - прищурилась Пинар, - что это свойство фонаря появилось только здесь, в проходах? И это значит...

- Это значит, что мы на правильном пути! - догадалась Мэдлин, глаза её вспыхнули.

- Идёмте, - в нетерпении позвал Пятрас. И поспешил вперёд, освещая прочные своды подземного коридора.

...Проходы плутали, раздваивались, перекрещивались между собой. Кое-где в стенах на разных уровнях встречались дверцы и оконца. Многие были заколочены или заделаны свежей

кирпичной кладкой. За одними дверями была тишина, из-за других раздавались звуки жизни: лай, разговоры, плач. Видимо, проходы эти вели в нижние этажи вильнюсских зданий - это говорило о том, как часто визидары в прошлом навевались сюда.

Компания шла долго. И страх, который сковывал в начале, подбрасывая жуткие мысли в голову, постепенно отступил. Кровь успокоилась. Стурла, замыкавший процессию, расслабился и даже забурчал песенку.

- Это я когда-то разрушил, - показал Пятрас на грубый пролом между двумя коридорами, заваленный тяжёлой бетонной ставней, - чтобы сократить путь. Но не все плиты можно было убирать. Некоторые из них пришлось ставить на место. Я боялся, чтобы дубовики и другая нечисть не сунулись в город и не потревожили людей. Кстати, как же я забыл...

Великан обернулся к остальным визидарам и внимательно их оглядел:

- Соберите-ка быстро в узел или хвост волосы те, у кого они длинные. Остальные - просто берегите головы. Сейчас я открою каменную дверь, в проходе за нею живут волосницы.

Визидары на миг застыли. Но послушались. Закопошились. Итиро быстро провёл по гладким волосам, проверив узел на затылке. Пинар отдала шарф Марио, которым он замотал голову навряд чалмы, а сама, туго повязывая косынки себе и Янмей, дрогнувшим голосом медленно спросила:

- Что за волосницы такие?

В темноте блеснули девять настороженных пар глаз. Все уже подготовились и ждали команды, возились только девушки: Бёрнис ловко помогала Мэд заплетать косу, пальцы её мелькали быстро, но всё равно нервно, Пятрас объяснил:

- Волосницы - одни из самых подлых жителей здешнего подземелья. Длинные, как нити паутины, змеи. Такие тонкие, что сливаются с волосами и запутываются в них незаметно. Паразиты чистой воды.

Стурла почесал бороду, скривившись:

- Вот это ты даёшь! Забыл предупредить, да? А как же мне то, с моей бородой?

- А то бы ты, предупреждённый, её сбрил? - ухмыльнулся Леонар, беспокойно поправив усики.

- Нет, конечно, - возмутился коротыш, - но забыть такое... Это же не шутки!

- Поверь, - вздохнул Пятрас, - в этих проходах волосницы - самая маленькая беда. Основная напасть здесь всё же - дубовики.

С этими словами он снял с шеи круглый амулет и вдавил его в углубление каменной плиты. Затем достал из кармана маленькую свирельку, нажал на две первые дырочки и дунул. Раздался чистый, мелодичный свист. Тяжёлая каменная дверь дрогнула и медленно отворилась.

Стурла опасливо заглянул внутрь и огляделся. Даже уши его от напряжения ходили ходуном. Но за дверью открывались всё те же проходы - только темнее и сырее.

- Тьфу, напугал, - выдохнул он и решительно шагнул вперёд.

- Здесь надо вести себя потише, - громким шёпотом предупредил Пятрас.

Все послушались.

Дальше шли молча, ступая осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Фонари в руках Тафари и Итиро бросали блики на сырые стены. Проходы постепенно сужались. Дверей наружу становилось всё меньше, пока они не исчезли совсем. Стены теперь были земляными, ребристыми. Корни деревьев всё чаще вылезали из них кривыми пальцами и в свете фонарей казались живыми, шевелящимися конечностями. Напряжение нарастало с каждым шагом.

Вдруг Мэдлин вскрикнула. Все резко обернулись, сердца ухнули в пятки.

- Ничего страшного, - махнула она рукой, бледнея. - Коса зацепилась за корень... Я испугалась.

Все выдохнули. Но Пятрас шагнул к ней:

- Повернись ка ко мне спиной.

- Я же говорю - ничего страшного, - повторила Мэд, поправляя волосы, но голос её дрогнул.

- Повернись, - настойчиво, почти грубо, потребовал великан и развернул девушку. Тафари молча подсветил фонарём.

Волосы Мэд выглядели обычно: белые, запутанные пряди, наскоро сплетённые в косу. Но Пятрас настойчиво копошился в них пальцами, пока не схватил один волос - чуть толще и темнее остальных. Дёрнул резко. И волос издал пронзительный, нечеловеческий «Ши-а-а-а». Жуткий, режущий крик, будто вопль русалки, которую вытащили из воды.

- Вот это и есть волосница, - показал великан извивающуюся тонкую змейку.

В прыгающем свете фонаря Тафари её еле было видно. Только разбрызгивались слюни и кровь из пасти, в которую словно засунули дюжину лезвий. Тварь билась, пытаясь укусить руку Пятраса. Но он держал крепко. Внезапно волосница метнулась в лицо Стурле и почти вцепилась ему в лицо. Итиро, одним молниеносным движением, успел перерубить её мечом.

Половина твари осталась болтаться на бороде оторопевшего коротышки, хвост шлёпнулся к его ногам. Но никто не успел даже ахнуть - Мэдлин пошатнулась, ноги подкосились, она начала оседать на пол. Её подхватили в последний миг.

- Что с ней?! - Янмей откинула с посиневшего лица Мэд пряди волос. - я чувствую, что жизнь из неё уходит.

- От волосниц визидары теряют силы, - мрачно объяснил Пятрас. - Быстро, незаметно. Тело слабеет...

- Ты и это забыл сказать?! - прошипел Стурла, глядя на бельма закатившихся глаз Мэдлин. У неё начались судороги, кожа быстро стала покрываться трупными пятнами. - Что нам теперь делать?

- Не волнуйтесь, - мотнул головой великан. - У меня есть снадобье. Про волосниц было написано в тетрадах деда. Там же я нашёл и рецепт.

Он вытащил из внутреннего кармана жилета маленький пузырёк, открутил пробку.

- Но здесь не хватает одного ингредиента - крови визидарца.

Не раздумывая, он коснулся острия меча Итиро - тот ещё не убрал клинок в ножны - и проколол себе палец. Две капли упали в жидкость. Пятрас поболтал пузырёк, поднёс к губам Мэдлин и влил лекарство.

Она мгновенно порозовела. Веки дрогнули. Дыхание выровнялось. Через минуту девушка открыла глаза - ясные, живые.

- А тебя кусали волосницы? - спросила Пинар у Пятраса и нервно почесала локоть, чувствуя, как волосы поднимаются дыбом.

- Да. Много раз. Но избавлялся я от них уже в «Сердце волка». Долго приходил в себя. А Мэд... она восстановится прямо сейчас. Я поделился с ней своей кровью.

Так и вышло. Минут пять, и Мэдлин уже стояла на ногах - бодрая, полная сил, будто и не было приступа.

Визидары двинулись дальше, вглубь по подземным лабиринтам.

- Эти проходы остались от времён царицы Велёни. Когда-то здесь на поверхности шумели священный дубовые леса, в которых приносили жертвоприношения. От крови, пропитавшей землю и родились дубовики, - сказал Пятрас, показывая на неровные, будто выскобленные стены, похожие на доску для стирки. - Здесь надо быть максимально осторожными. Чувствуете запах тухлятины? Так и пахнут эти твари. И, боюсь, они слышали крик Мэдлин.

В подтверждение его слов, из двух боковых ответвлений, которые группа только что миновала, раздался мерзкий, чавкающий шорох - будто кто-то рвал болотную жижу голыми руками. А потом из стен с треском вывалились два... то ли шара, то ли живых комка корней. Огромные, сросшиеся из чёрных веток, мха и пропитанной гнилью земли, они катились впе-

рѣд с неестественной, пугающей скоростью - словно, выпущенные из пращи, гигантские живые сердца со множеством кривых рук, вырванные из самого ада.

Они в одно мгновение оказались около Стурлы. Никто не успел даже моргнуть. Шары подпрыгнули, пронеслись вокруг коротышки кругом, и из их отростков, как из ниоткуда, выскочили острые, кривые зубы. Дубовики кусали молниеносно - раз, другой, третий, - оставляя рваные раны на плечах, на руках, на боку. Одни отростки опутывали, другие держали, крутя беззащитную жертву. Они вертели Стурлой, как осьминог добычей.

Стурла ничего не успевал сделать. Чудовища с глухим ударом быстро опрокинули его навзничь. Один из них уже прыгнул, целясь прямо в грудь, раскрывая пасть, как огромный клещ, - но подскочившие Тафари и Пятрас со всей мочи рубанули мечами по жутким комкам.

Клинки звякнули и отскочили, будто от камня. Но дубовики всё же отшатнулись. Издали низкий, дрожащий рѣв - долгий, хриплый, полный бешенства и ненависти, который перешѣл в злобный свист и внезапно оборвался сухим рваным всхлипом. В ту же секунду дубовики мгновенно скрылись в боковых проходах, оставив после себя только несколько искореженных обломанных веток, ещё подрагивающих на полу.

Все тяжело дыша, замерли.

Стурла лежал на спине, хватая ртом воздух, борода в грязи и собственной крови. В глазах у всех теперь стоял страх - уже не тот, который можно спрятать за шуткой или бравадой. Подземелье больше не казалось просто тѣмным и страшным. Оно дышало. Ждало. Охотилось.

Стурла со стоном приподнялся, опираясь на меч.

- Вы видели? Оружие практически не оставило на них царапин... Словно эти дубовики из какого-то проклятого металла, - прохрипел коротыш, оглядывая себя: укусы по всему телу уже наливались кровавыми синяками, расплываясь, как чѣрные пауки. - Хорошо хоть покусали несильно, - подул он на кровоточащие ладони и с хрустом поправил большой палец, что вывернул, защищаясь.

- Перчатку? - предложил Леонар, судорожно хватаясь за рюкзачок.

- А вдруг она потеряется? Некогда её укреплять, - мотнул головой коротыш, - отвечай потом за твою перчатку, как за хорошую вещь, - попытался он отшутиться, но невольно снова застонал.

Перед ним присела Пинар и открыла ведьмину сумку:

- Сейчас я смажу укусы, - сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Женщина сглотнула и начала трясти пузырёк над тряпицей, чтобы выдавить густую мазь. «Господи, думала Пинар, - выдержу ли я всё это? Я дико боюсь. Справлюсь ли я? А это только начало. Я же старая женщина...»

Янмей погладила её по седой голове и обняла за шею:

- Справишься. Ты не старая, а обновлённая. У тебя даже колени не болят. И потом - я же рядом, - горячо зашептала девочка в ухо Пинар, отчего той стало щекотно. Щекотно и спокойно.

- Это были маленькие дубовики, - предупредил Пятрас. - Поэтому вреда не так много. Но теперь они соберутся все. И это плохо. Я надеялся, что мы проберѣмся чуть дальше, пока они нас не учуют... Ну что ж. Запомните: бить по дубовикам надо со всей силы. Только тогда им можно хоть что-то сделать. Нам нужно добраться до подземного зала, где находится комната.

- А он далеко? - со страхом глядя на синяки Стурлы, прошептала Мѣдлин. Не у неё одной сейчас внутри поднималась паника - ещё одно неправильное слово, и истерика рванѣт во все стороны, отбирая силы.

- Всё будет хорошо. Мы справимся. Ещё два длинных коридора. Но теперь, правда, мы в ловушке, - как можно мягче, доложил Пятрас. - Вернуться уже не сможем. Путь - только вперѣд. Готовьтесь к бою.

Потом посмотрел на их бледные лица, похлопал Марио, что сжимая губы, пытался держаться мужественнее всех, по плечу и устало добавил:

- Я в вас верю.

Когда Пинар обработала самые большие раны и Стурла, скрипя зубами, поднялся, все оголили оружие. Пятрас оглядел команду ещё раз, с тревогой покачал головой и кивнул Тафари - самому мускулистому из них:

- Бери Янмей на загривок.

Следопыт подхватил девочку - лёгкую, невесомую. Успел увидеть маленькую дырочку на её чулке, собравшемся гармошкой, и отчего-то именно от этой крохотной беззащитной пробоинки на шерстяном полотне, у него сжалось сердце. Забилося тише, как у колыбели. «Зачем мы тащим её с собой?! - заклокотало в голове, - её то за что?! Разве не у неё по статусу и рангу должен быть покой? Самый обыкновенный покой ребёнка...» Но додумать не успел.

Янмей молча обняла Тафари за шею, она ловко обхватила его туловище ногами, прижалась к нему, как обезьянка. И спокойно сказала:

- Беда не разбирает пола. Враг не глядит на возраст. Для него мы только пища.

Следопыт сглотнул - во рту стало горько. Но промолчал. Судорожно прижал лишь её крепче - «умру, но защищу» читалось в этом жесте.

Сам Пятрас, не слушая протестов коротышки, бесцеремонно схватил отпихивающегося Стурлу, легко закинул его себе за спину, словно тот весил не больше Янмей, и хрипло командовал:

- А теперь бежим со всей мочи. Не останавливаясь. Надо преодолеть как можно большее расстояние. Чтобы бой не начался в узких коридорах. Иначе шансов у нас нет вообще. Только смотрите под ноги!

И они помчались.

Каждый нёсся, что было сил. Дыхание рвалось из груди, ноги скользили по влажной земле. В какой-то момент Пинар показалось, что сейчас она упадёт - под туфлю попал скользкий камень, тело накренилось, - но её под локти подхватили Итиро и Марио. Дальше они бежали уже втроём, не оглядываясь. Сердце стучало в висках, дыхание сбивалось. В какой-то момент Итиро понял, что бежит наощупь - темнота стала гуще, а в глазах пульсировали красные круги. В горле стоял запах крови. Марио застонал - ему показалось, что печень разорвалась от боли. Он не остановился, лишь упёр в бок кулак.

Это был забег не на жизнь, а на смерть.

Завернув за очередной угол, визидарцы, задыхаясь, буквально ввалились в длинный зал - и замерли.

Леонар с хрипами, задыхаясь, протёр запотевшие очки. Зал был запущенным, но, наверное, красивым. Если бы только было время разглядеть кирпичные арки, витые своды, покрытые рисунками, затёртый зуляйдж на полу! Но взгляд сразу примагничивался к другому.

На противоположной стене, в глубокой нише, чернела дверь. На ней был вырезан знакомый до боли, огромный знак визидаров.

Пятрас даже успел подумать: «Возможно, повезло... обойдёмся без боя. Сейчас только бы понять, как она открывается...»

Но сказать не успел.

Пол трянуло.

Стены задрожали. Из них стали вываливаться гигантские дубовики - раз в десять больше тех, что нападали в коридоре. Они сыпались и сыпались: четвёртый, пятый... Вскоре весь зал наполнился живыми комками чёрной плоти. Вблизи они выглядели так, словно кто-то огромный набрал жмень болотных тварей, слепил их с корнями деревьев и скатал из всего этого шар.

Дубовики медленно шевелили ветвями, будто разминались после долгого сна. Иногда они раскрывали многочисленные жабыи пасти - внутри краснело нутро, усеянное рядами чёрных, острых зубов. Воздух стал невыносимо тяжёлым от запаха гнили и падали.

Визидарцы, не сговариваясь, встали в круг, окружив Пинар и Янмей.

Один дубовик неожиданно подпрыгнул и, раскрутившись, сходу метнулся в середину, пытаясь раскидать строй. Но мечи взметнулись вверх - компания ошетичилась, как бешеный ёж.

В секунднй тишине было слышно, как всхлипнула Янмей и как скрипнула зубами Бёрнис.

Дубовики завелись. Закрутились, будто адовы юлы, размахивая отростками, и пошли в атаку. Они проголодались. Каждый хотел откусить кусок живой, тёплой плоти.

Начался бой.

Летали корни, отрубались ветки, взметались длинные перепутанные конечности. Ото-всюду раздавался разноголосый рык - низкий, утробный. Твари двигались хаотично и быстро. Порой они слеплялись друг с другом в огромные кучи - и становились ещё опаснее.

Пинар прижала к себе Янмей, закрыв ей глаза ладонью. Но даже сквозь пальцы девочка видела: от каждого, даже самого мимолётногo прикосновения зубастых пастей, у визидарцев рвались одежды, мгновенно появлялись раны, словно по телу провели гигантской тёркой. И на лицо девочки, словно ветерком от летнего фонтана, брызгала тёплая кровь. Одежда, волосы, вещи - всё это быстро пропиталось ею: зелёной, бордовой, алой, розовой. Визидарской кровью.

Пинар тоже отбивалась - длинным кривым ножом, который дал ей накануне Тафари. Пусть она могла перерубить им лишь самые тонкие ветки, но старалась изо всех сил - пальцы сразу покрылись волдырями и промокли от лимфы.

Леонар выставил перед собой искусанную руку как щит - и рубил другой, махая налево и направо с отчаянной яростью.

Кровь заливала Стурле глаза, но он стирал её рукавом и снова рвался вперёд, рыча, как зверь.

Марио и Итиро, не сговариваясь, слаженно налетали на одного дубовика сразу с двух сторон.

Пятрас не переставая громил тварей, нанося мощные удары сверху - в гладкий небольшой пенёк на «затылке». Только от этого попадания дубовики падали и больше не шевелились. Видно, там было их уязвимое место. Но из-за шаровидной формы и их подвижности найти её в бою было почти невозможно - только когда тварь раскидывала ветки и открывала рты, на миг становилось видно её светлую лысую макушку.

Это же поняла и Бёрнис, когда дубовик выбил у неё меч, она вскочила прямо на чудовище, как только он раскрылся. Ловко взобралась по корням до верха и яростно вцепилась зубами в самую макушку. Дубовик взвыл - дико, пронзительно - и, последний раз крутанувшись вокруг своей оси, повалился на пол. Бёрнис повернула к визидарам лицо, испачканное чёрной кровью врага, выплюнула большой кусок коры и прыгнула на следующего.

«Настоящая Волчица», - промелькнуло в голове у Пинар.

В какой-то миг показалось, что дубовики побеждают.

Визидарцы, как загнанные звери, тяжело дышали в углу. Руки дрожали от усталости, мечи казались неподъёмными, кровь стекала по лицам и рукам, смешиваясь с чёрной слизью. Каждый удар отдавался болью в мышцах, что костенели от перегрузки, каждый шаг был как последний - ноги сводило. Дубовики же, напротив, двигались всё яростнее, их пасти раскрывались шире, зубы блестели в полумраке, а запах гнили душил, проникая в лёгкие.

Но тут Итиро, нанося очередной удар, выронил из-за пояса Огненную палочку. Она звякнула о пол, покатилаcь. Парень подскочил, подхватил её на лету - пальцы сомкнулись инстинктивно, - и, сам не осознавая до конца, что делает, выкрикнул:

- Адолебит!

Сноп белого огня вырвался из палочки с ослепительной яркостью - чистый, ревуший, как молния в замкнутом пространстве. Он ударил прямо в раскрытую пасть ближайшего дубовика. Тварь мгновенно вспыхнула. Пламя лизнуло корни, плоть - и через пять секунд от них остался лишь обугленный, искорёженный остов, от которого шёл едкий дым и треск лопающихся веток.

Итиро на миг замер, глядя на палочку в грязной руке, потом поднял глаза. В них вспыхнуло понимание.

Он начал двигаться быстрее.

Огонь вырывался снова и снова - точные, короткие вспышки, каждый раз попадали в пасть или в пенёк на «затылке». Дубовики визжали, корчились, вспыхивали один за другим. Остальные визидарцы, вдохновлённые переломом в сражении, собрали последние силы: добиwali обгорелых, рубили тех, кто ещё шевелился.

Через десять минут наступила тяжёлая, давящая на уши, тишина.

Только потрескивание углей и тихий плач Янмей, которая зажмурилась и крепко вцепилась в юбку Пинар. Сейчас она выглядела не Живой Богиней, а маленькой, напуганной девочкой похожей на дрожащего птенца, который вывалился из гнезда.

Визидарцы стояли посреди хаоса: корни, обугленные ветки, забрызганные чёрной требухой дубовиков.

Марио повернулся к Итиро, открыл рот, чтобы сказать: «Мы победили». Но слова застряли в горле - даже улыбнуться не хватило сил. Итиро лишь качнул головой: «Знаю».

Подшли к Янмей.

Пятрас осторожно взял девочку на руки - огромные ладони стали нежными. В такие моменты великан напоминал море, что сменяло смертельный шторм на бриз, ласкающий кожу. Из кармана Пятрас вытащил невесть откуда взявшийся пряник - старый, потрескавшийся. Янмей взяла его, уткнулась лицом великану в плечо, всхлиывая тише.

Переступая через воняющие кучи на полу, визидарцы двинулись к двери. Подшли вплотную.

Мэд коснулась её ладонью - и по поверхности пробежала волна, как рябь на воде. Раздался низкий, вибрирующий гул, похожий на жужжание тысяч пчёл.

- Но к ней невозможно было подойти! - удивился Пятрас. - Вокруг было что-то вроде защитного поля!

- Возможно, потому что мы должны были собраться вместе? - предположила Мэдлин.

- Наверняка, - устало кивнул великан. - Как я и говорил.

- Разойдитесь. Пустите ключеносца, - сказал Итиро.

На грязном лице глаза горели лихорадочным блеском. Засунув руку за пазуху, он вытащил ключ. Прихрамывая, торжественно подошёл к двери. Посмотрел на неё - и вдруг растерянно повернулся к остальным.

- Как же так, братцы? - прошептал он. - Куда его вставлять?

На шершавой поверхности не было ни скважины, ни дырочки, ни единого просвета. Только огромный знак визидара: колесо с тремя пересечёнными глазами, от которых отходили десять лучей, заканчивающихся треугольниками. В каждом треугольнике - ещё один глаз, без зрачка. Или лодочка? Трудно сказать. Нет времени думать.

- Может, приведём себя в порядок? - спросила Мэдлин, выжимая подол от слизи и крови.

- А ты уверена, что дубовики не вернуться в большем количестве? - Пятрас огляделся, прислушиваясь. - Какие есть версии?

Стурла разбежался и с размаху ударил плечом в дверь. Та даже не дрогнула - стояла, как влитая.

Леонар, непривычно грязный, с присохшей кровью в бороде, наклонился к знаку, поскрёб одну выемку пальцем. Дверь снова завибрировала.

- Толы здесь не нужны, - сказал он уверенно. - Борозды этого рисунка очень глубокие. На дне каждой идёт медная канва, шовчик. Он окислился со временем, но он там. Значит, это не просто знак. Он и есть ключ.

- А заметили, как дверь реагирует на наши прикосновения? - добавила Мэдлин. - Может, в этом и отгадка?

- Конечно! - воскликнула Пинар. - Мы должны были собраться все, чтобы подойти. Значит, и открыть её надо вдесятером!

Она подошла и положила ладонь на один из треугольников, приглашая остальных. Но Леонар схватил её за рукав.

- Подожди...

Он облокотился на стену, посмотрел на остальных - медленно, по очереди. За время битвы в чопорном Леонаре что-то необратимо изменилось. Не только взлохмаченная борода и волосы, не только новые морщины в уголках глаз. Заострились скулы, взгляд стал глубже, тяжелее. В нём теперь отражалась вся усталость мира. В нём отражался весь его жизненный опыт и боль.

- Братья и сёстры... Ибо смею я вас так называть после того пути, что прошли мы вместе, - голос его дрогнул. - Мне страшно. Не боюсь теперь вам признаться, но мне дико страшно... Там, - он кивнул на дверь, - нас может ждать что угодно. И не чудовищ я боюсь. С вами они мне не страшны. И не сражений. Я боюсь... ничего там не найти. Ведь может статься, что нашей родины больше нет. Вы готовы увидеть руины собственной цивилизации?

Повисла тишина. Густая, едкая. Как дым после пожарища. Даже Стурла не торопил.

Хмурый Пятрас вышел вперёд, только челюсть выдавала сейчас его волнение - он незаметно двигал ею из стороны в сторону, будто удерживал слова во рту, словно полоскал фразы, очищая от лишнего.

- В любом случае, Леонар, - сказал он, наконец, - мы не узнаем этого, пока туда не зайдём. И нам на это никто не ответит. Мы должны увидеть всё собственными глазами. Прикладывай руку, друг.

Все сгруппировались вокруг двери, подошли плотнее. Каждый выбрал себе треугольник. Маленькая Янмей, всё ещё на руках у Пятраса, прижала свою ладошку рядом с его огромной пятернёй. Дверь завибрировала сильнее - гул от неё нарастал, проникал в кости, отдавался в сердце.

Последним, к самому нижнему треугольнику, поправив шлем, прикоснулся Стурла - коротыш встал на цыпочки, чтобы до него дотянуться.

И дверь легко, без звука, открылась. Как будто и не был закрыта.

Глава вторая

Беги, если хочешь жить

За дверью оказалась... стена.

Не другой мир, не портал, мерцающий звёздами - просто грубо сложенная из камней закруглённая стена, уходящая вверх. Камни были склизкими, покрытыми чёрной плесенью и мёртвым мхом.

Размышлять было некогда - стены зала за спиной снова зашевелились, раздался знакомый низкий треск.

Пятрас мгновенно развернулся, огромными руками стал вталкивать визидаров в узкий проём один за другим. Сам втиснулся последним - плечи едва прошли, он пригнулся, почти сложился пополам, и дверь за ними, с тяжёлым, окончательным стуком, захлопнулась.

В самый нужный миг.

Потому что через секунду на неё обрушились удары - десятки дубовиков бились в ярости, пытались её пробить.

В тесноте проёма визидарцы замерли. Дышать полной грудью было невозможно - рёбра упирались в спину впереди стоящего, локти в бока соседей. Хуже всех пришлось Стурле: он застрял внизу, между ног остальных, как ребёнок в толпе великанов.

Кто первый поднял голову? Или все сразу?

Крыши над ними не было.

Наверху открывался вид на круглое небо - по нему грязными клочьями неслись низкие, плаксивые облака.

- Кажется, мы на дне старого колодца, - озвучил Марио то, что поняли все одновременно.

- Вот и прибыли, - разочарованно протянул снизу Стурла, - мы тут как тухлые сельди в бочке...

- Какая тут вонища... - прошептала Бёрнис, пригнувшись. Она еле вытащила руку из-под чужого локтя и зажала нос.

- Ну извините, - буркнул Стурла, пытаясь пошутить, но голос его звучал глухо. - Может, это и от меня. Я давно не мылся.

- Нет, - покачал головой Леонар, морщась. - Это от стен. Сюда сбрасывали тела. Они давно истлели, а запах смерти остался... въелся в камень.

После его слов все разом обратили внимание на хруст под ногами: не песок и не ветки. Останки - старые, крошащиеся, пожелтевшие, как пергамент. Черепа, рёбра, обломки тазовых костей - всё было перемешано с мусором и плесенью.

- Очень старые кости, - тихо отметил Стурла, глядя вниз.

Теперь все старались не делать лишних шевелений ногами - каждый хруст из-под обуви множился и был невыносим, заставляя покрываться кожу мурашками.

- Мы словно в чужой могиле. Я хочу скорее выбраться отсюда, - голос Мэд дрогнул, в нём зазвенела паника.

- Как будто мы не хотим, - отозвался Стурла.

- Может, попробовать достать мой рыболовный крючок? - предложил Марио, пытаясь в тесноте достать до кармана сумки.

- И как он поможет, господин Рыболов в этом могильнике? - скептически спросила Бёрнис.

- Ну... размахнуться и закинуть наверх. Зацепить за край.

- А ты уверен, что он с первого раза зацепится? - размышляла Пинар. - Здесь развернуться негде. Упадёт обратно - и попадёт кому-нибудь в глаз.

- С чего сразу в глаз? - обиделся Марио.

- Неважно куда. Но он у тебя жутко острый, - ответила она.

- Предлагаю выбрать самых здоровых и сделать пирамиду, - сказал Леонар, глядя вверх.

- Если соберём из трёх-четырёх человек, последний, ближайший к краю, сможет забросить крючок.

Под глухие удары дубовиков в дверь, напоминавшие паркосизм психопата, началась возня.

Тафари быстро забрался на плечи Пятраса, держась за стены, встал устойчиво. Потом на эту живую пирамиду ловко, как кошка, поднялся Итиро. Дальше попытался вскарабкаться Стурла. Но он был тяжёл и неловок, да ещё раны давали о себе знать. Пару раз коротыш срывался, падал на тех, кто стоял внизу, ругался сквозь зубы и снова пробовал. Когда он в очередной раз скатился, маленькая Янмей ящеркой молниеносно полезла вверх: по спине Пятраса, по Тафари - тот едва успел её подхватить. И через секунду девочка уже стояла на плечах Итиро, балансируя в узком круге неба.

- Подавайте мне крючок! - скомандовала она твёрдо, без тени страха.

Теперь внизу стало свободнее. Марио без труда достал из заплечной сумки крючок с верёвкой. От Янмей до края колодца оставалось ещё примерно ярда два. С третьей попытки девочка зацепила крюк за каменный выступ. Дёрнула пару раз, убедилась, что держит крепко. И мгновенно, как по верёвочной лестнице, забралась наверх, скрывшись за краем.

- Не смей! Опасно! Никуда не уходи! - кричали ей вслед.

Но через пару секунд её довольное личико появилось сверху - щёки покраснелись, глаза блестели.

- Не волнуйтесь, - сказала она звонко, - здесь нет ничего опасного.

Начался подъём наверх.

Труднее всего пришлось с Пинар и Леонаром: руки, израненные в бою, едва слушались, пальцы не могли крепко ухватиться за верёвку. Их вытаскивали последними. Осторожно, чтобы не задеть свежие раны, обвязали вокруг тела петлёй и медленно вытянули - как достают из воды то, что ещё живое, но уже не принадлежит себе.

Когда Пинар наконец перевалилась через край колодца, она просто легла на спину. Серое небо стояло над ней низко, без края, без обещания. Она долго не могла пошевелиться - только тяжело дышала. Каждое вдыхание казалось отдельной работой. Каждое выдыхание - сдачей.

Колодец, из которого они выбрались, стоял посреди бескрайнего, унылого поля. Рядом торчало кривое высохшее дерево: ствол чёрный, ветви обломанные, будто кто-то занёс руку над молитвой и так и оставил жест незаконченным. Чуть левее - груды серых камней, поросших лишайником. Когда-то здесь стоял дом. Теперь от него остался лишь курган булыжников - могила жилья, которое никто не хоронил по чину. Жухлая трава шуршала под ногами. Сырые камни всех форм и размеров усеивали землю. А дальше, до самого горизонта, тянулись мрачные холмы - один за другим, волна за волной, без единого проблеска зелени.

Пинар смотрела в небо и думала: вот он. Конец дороги.

Конец оказался колодцем посреди ничьей земли и телом, которое больше не хочет быть проводником.

Она шла так долго, что дорога успела стать характером. Она думала, что если идти достаточно честно, родная земля сама узнает тебя и ответит.

Земля ответила молчанием.

«Значит, я путала прибытие с избавлением, - думала Пинар. - Хотела, чтобы путь кончился, потому что устала быть швом на чужих ранах. А конец - это не награда. Конец - это момент, когда больше нельзя сказать: ещё не дошли, поэтому ещё можно не смотреть правде в лицо».

Пальцы горели. Верёвка оставила на коже чужой почерк. Она вдруг поняла, что всю жизнь лечила, собирала, вытаскивала - и никому, даже единственному другу Грегу, не поз-

воляла вытащить себя. Быть последней из колодца было стыдно и правильно одновременно. Стыдно - потому что сильная не должна висеть мешком. Правильно - потому что иногда сила именно в том, чтобы отдать свой вес чужим рукам и не притворяться, что можешь всё одна.

Серое небо над ней не судило. Оно просто было. Как правда без украшений. Как сама жизнь.

«Если это Визидария, - тихо текли мысли из её глаз, - то родина не обязана быть красивой, чтобы быть настоящей. Красота - это то, что мы потом на ней вырастим. А сначала нам дают пустое поле и спрашивают: умеешь ли ты любить место, которое ещё ничего тебе не должно?»

Рядом ворочался Леонар. Где-то пыхтел Стурла. Кто-то тихо ругался на камни. Живые звуки. Хрупкие. Драгоценные.

Пинар не встала. Ещё нет. Она позволила себе лежать - не как побеждённая, как прибывшая. Потому что конец пути, если честен, всегда выглядит не дверью с золотом, а паузой, в которой наконец слышно собственное дыхание.

И только тогда, глядя в бесцветное небо над мёртвым деревом, она подумала другое, уже без горечи:

«Нет. Не конец. Дно колодца кончилось. Путь - это то, что начинается, когда вылез и увидел, что рая нет готовым. Рай, если он вообще бывает, приходится поднимать из камней. Как дом. Как род. Как себя».

Жухлая трава колола щёку. Пинар зажмурилась - и впервые за много часов не от боли в пояснице или усталости. От того, что в сером небе вдруг поместилось место и для неё. Не для ведьмы. Не для хозяйки летучего дома. Для женщины, которую вытащили последней и которая всё-таки дошла.

Вокруг была равнодушная пустошь.

Если где и торчало деревце, то выглядело оно больным, искривлённым, будто ветер и холод высосали из него всю силу. Слева, вдали, из рваных клочьев тумана, цвета старых тряпок, поднималась горная гряда - тёмная, зубчатая, как спина ощерившегося гигантского чудовища.

- Это наша родина? - шурясь, тихо спросил Леонар.

Он ежесекундно поправлял волосы, падавшие на глаза, а взгляд был прикован к горизонту. Леонар будто ждал, что вот-вот из тумана выплывет силуэт города, башни, хутора... хоть что-нибудь, что указывало бы на жизнь. Но везде была только туманная каша, цеплявшаяся за остовы чахлой земли.

- Это наша родина? - ещё тише и печальней повторил он вопрос.

- А чего ты ждал? - хмыкнул Стурла, оглядывая шлем. - Флагов и транспарантов?

Голос коротыща вышел грубее, чем хотелось. Шлем вдруг показался ему смешным и лишним: блеснуть было не для кого.

- Нет, но-о-о... - Леонар разочарованно развёл руки. - Может, всё же это не наша земля?

- Что будем делать дальше? - подал голос Марио, и в тоне сквозила та же растерянность.

- Я не знаю, - ответил Пятрас сразу обоим, глядя в ту же сторону.

А про себя он стоял как в детстве у сухого дерева: огромный, лишний, и всё равно тот, от кого ждут ответа.

«Я обещал им дверь. Не рай, - думал Пятрас. - Дверь мы открыли. Услышали слово родина и подставили под него Медикат, радость, солнце на черепице, дома-зверей, запах мастерских. Я тоже подставил. Глупо. Родина не обязана встречать. Иногда она сначала показывает, чем стала без нас. Пустое поле - тоже речь. Жёсткая. Честная. Где вы были четыреста лет?»

Туман лизал холмы, как скот лижет соль: жадно и без любви. Пятрас вспомнил Вильнюс, Острую Брамму, звёзды на иконе - небо, которое вспыхнуло для крови. Небо было прекрасным. Земля под ним оказалась больной.

Он перевёл дыхание. Плечи ныли. Браунинг на поясе казался нелепым среди тумана - слишком новым для такой старой скорби.

«Дальше будет не поиск дома, - подумал он. - Дальше будет решение, остаёмся ли мы родом на земле, которая нас не узнала с первого взгляда. Если любовь требует флагов - это не любовь. Это ярмарка. Настоящее возвращение начинается, когда хочется уйти - и всё равноставишь ногу вперёд».

Вслух он только ещё раз кивнул на серую даль, как кивают на трудную работу:

- Так. План такой. Ищем место для ночлега. Залечиваем раны. А дальше... Дальше - смотреть внимательнее. Туман тоже умеет лгать... Или удивлять.

Лагерь устроили у маленького ручья в низине между двумя холмами. Конечно, здесь терялся стратегический обзор - с двух сторон к ним могли подойти незамеченными, - но зато и их самих было почти не видно с высоты. Ветер здесь стихал, ручеек журчал, успокаивая нервы.

У двух хлипких перекрученных меж собой деревьев, которым бесконечный ветер давно оборвал все листья, поставили палатки. Марио поколдовал над ними своим увеличительным стеклом - и ткань несколько раздулась, стала просторнее, теплее. Это было кстати - с темнотой резко прибывал и холод. Марио пришла в голову прекрасная мысль: размножить единственное одеяло и меховую жилетку Пятраса. Копия жилетки превратилась в уютную лежанку для Янмей. Замотавшись в одеяло, девочка устроила на ней маленький домик - свернулась клубочком, высунула только голову, напоминая птенца камышевки, выглядывающего из гнезда. Её глаза всё ещё были красными от недавних слёз, но она уже улыбалась.

Итиро разжёл костёр - пламя вспыхнуло ярко, отгоняя сумерки и холод. Пока Стурла с Марио готовили еду, Бёрнис помогала Тафари перевязывать раненых: мазала раны, накладывала свежие бинты.

Пятрас ушёл в разведку - вернулся через час, когда в лагере все уже были отмыты, перевязаны и сидели у огня. Из чугунок Стурлы восхитительно пахло похлёбкой - густой, сытной, с дымком и травами.

Глядя на удручённое лицо великана, Бёрнис спросила:

- Ну как? Что видел?

- Да, собственно, то же, что и вы, - Пятрас пожал плечами, садясь к огню. - Бесконечные холмы. Ни дорог, ни знаков, ни дыма от костров. Ни души. Ума не приложу, что делать дальше.

- Давай сейчас просто отдохнём, - предложил Леонар, протягивая ему первую миску. - У нас был трудный день. Нужно подкрепиться. А завтра... завтра подумаем.

Разлили похлёбку по мискам. Бёрнис, как всегда, жевала сырую рыбу - откусывала кусочки и задумчиво смотрела в огонь.

Сначала ели в тишине, каждый думал о своём. Кто-то должен был заговорить первым. И это оказалась Мэдлин.

- А может... - несмело начала она, - спросить совета у куклы Мэй?

- Точно! - кивнула Волчица.

Она вытащила куклу.

Но Мэй, к сожалению, ничего не знала. На все вопросы отвечала пространно и глупо - «иди туда, где светит луна», «доверься сердцу», «всё будет хорошо». После бестолкового сеанса спиритизма вокруг куклы, лица у всех опять потухли. Вновь наступила тишина в которой только Стурла стучал ложкой по дну котелка, доедая остатки похлёбки.

Леонар, задумчиво жуя корку хлеба, заговорил медленно, будто размышляя вслух:

- Я вспоминаю наше страшное сражение в подземелье. Теперь кажется, всё так просто: дубовики - они же жили на деревьях. Значит, боятся огня и уничтожаются им. А если бы Итиро не выронил Огненную палочку? Страшно подумать... Ну почему в приключенческих книгах все ответы приходят вовремя? А у нас постоянно всё как-то глупо, на волоске? В романах герои в самый решительный момент просто находят гениальный ответ. Как же так?

- Но ведь у нас получилось точно так же, - улыбнулся Итиро, массируя ушибленную лодыжку.

- Нет, - покачал головой Леонар. - Страшит то, что у нас это была счастливая случайность. Какие же мы великие визида-ремесленники, если через раз нам помогает простое везение? Будь мы героями какого-нибудь французского романа - у Жюль Верна, например, - мы бы поняли про Огненную палочку и дубовиков на десять минут раньше. Или даже в подвале «Сердца волка». Иногда после таких вот событий я лежу и думаю, как здорово бы применил все наши толы и ауксилы, словно разгадываю шахматную партию, когда уже всё позади. И порой это изматывает меня сильнее, чем сама проблема.

- Все умные задним числом, - тихо кивнула Пинар, глядя в огонь. - Но мы живы. И это уже не случайность.

- Вот тоже мне, проблема - думать об ужине, который съел, - громко икнул Стурла и зачерпнул каши. - Я не знаю твоих психолгий. Но викинги говорят - съеденную вчера рыбу осталось только... не при ребёнке будет сказано, - коротыш обернулся на заснувшую Янмей, - короче, не делай проблемы из того, что надо просто сам-знаешь-что... И не копайся после в той навозной куче.

Пинар прыснула, Леонар хмыкнул в усики. Остальные заулыбались.

К костур вернулась тишина - но теперь она была другой. Не тяжёлой, а задумчивой. Костёр потрескивал, Янмей тихо посапывала в одеяльном гнёздышке, а издали, из-за холмов, ветер все нёс и нёс серые облака, пытаясь ещё сильнее укрыть неведомую землю от чужих глаз.

Пятрас подбросил в огонь сухую ветку. Искры взлетели вверх, как маленькие звёзды.

- Завтра, - сказал он наконец. - Завтра мы найдём след. Или знак. Или просто пойдём вперёд. Потому что назад дороги нет.

- Леонар-Леонар, я так тебя понимаю, - закутываясь в плащ потуже, задумчиво сказал Тафари, глядя в пляшущие языки костра. - Меня и самого порой мучили такие же мысли. Иногда в жизни самое главное - это именно та самая счастливая случайность. Но я не называл бы её везением. Сначала ты изучаешь тысячу вещей, читаешь тысячу книг, тренируешь руки, глаза, разум... А потом, в тяжёлой ситуации, в самый последний миг, мозг вдруг выкидывает тебе спасительную мысль. Но он бы не сделал этого, если бы в голове ничего не было. Порой мне кажется, что самый главный тол - это вот эта самая голова. Недаром при мастерских ремесленников всегда были классы. Учение, как известно - свет.

Тафари замолчал. Огонь отражался в его больших зрачках, рассыпался крошечными золотыми искрами. Следопыт добавил тише:

- А насчёт применения толов и ауксилов - ты прав. И мне порой кажется, что мы могли бы пользоваться ими поактивнее и... грамотнее, что ли. Но я думаю, мы к ним ещё не привыкли по-настоящему. Шутка ли - такое постигнуть за короткое время. Нет, тут братец, нужны годы... С одной стороны - мы всегда были для людей чем-то вроде колдунов и ведьм. С другой - мы слишком долго жили среди них. Люди истребляли всё, что хоть чуть-чуть напоминало им магию. И мы от волшебства... отвыкли. Поверь, это может сыграть с нами впереди ещё не одну злую шутку.

- Так все же что нам делать дальше? Куда идти? - доев и отбросив котелок, взобрался на камень Стурла.

Он оглядел темнеющие дали - холмы, холмы, холмы, без единого огонька, без силуэта дома или башни - и разочарованно подытожил:

- Ни-че-го... Может, невозможно найти Визидарию, потому что всё, что мы видим вокруг... это и есть наша разрушенная родина? Её останки?

- Тогда мы должны найти Медикат и почтить память героев, - подвёл итог Тафари. - Они сражались, чтобы мы жили. И точка. Пойдёмте спать.

- Я посижу у костра, пороюсь в книгах. Может, там найду ответ? - ответил Леонар.

Мэдлин молча протянула ему Бездонную сумочку. А сама забралась в палатку и свернулась рядом с Янмей и Пинар. За ней туда же залезла Бёрнис, и когда через пять минут Итиро плотно занавешивал их вход, они все спали, как супицу - кучей прижавшись друг к другу - так было теплее.

- Я с тобой посижу, - Пятрас подсел к Леонару.

Сквозь сон из палаток, визидарцы слушали их тихий спор - о вселенной, о Визидарии, о том, что значит быть визидарцем. Ох и любители оказались поболтать эти двое. Особенно Пятрас - его низкий голос рокотал, как далёкий гром, а Леонар отвечал горячо, дробно, быстро - будто боялся, что ночь украдёт его мысли. Их разговор убаюкивал не хуже колыбельной. Успокаивал, давал защиту. И первая ночь в Визидарии прошла спокойно.

...Утром выход нашёлся сам собой. Очень легко. Вернее, его обнаружил Пятрас.

Когда все уже спали, а они с Леонаром так и не нашли ничего путного в книгах, великан решил поискать сноски на своей карте.

- Я, конечно, знаю её наизусть, - шептал он Леонару, - но вдруг что-то пропустил... Взгляну- ка на планы с новой точки зрения.

Он развернул шкуру - и опешил. Карта пропала. Совсем.

- Такой я и нашёл её в пещере, - тряс он шкурой, показывая Леонару пустую кожу.

- Дело поправимое, сейчас мы вновь проявим твою карту, - успокоил Леонар.

Он достал проявляющую солонку и посыпал ею поверхность. Но ничего. Засыпал кожу толстым слоем соли - всё равно пусто.

- Видно, здесь она должна была исчезнуть, - расстроено сделал вывод Пятрас, стряхивая соль.

Он отчаянно сколачивал кристаллы с кожи, но они осыпались только частично.

- Гляди, - Леонар ткнул в соляные островки, что остались на поверхности.

Это уже была не соль. Кристаллики помутнели, растаяли и слились меж собой - как шарики ртути. Постепенно лужицы вещества затянули всю шкурку и затвердели. Словно на кожу нанесли слой металла.

Пятрас и Леонар склонились ближе. В скудном свете они разглядывали изменившуюся поверхность.

- Что это? - пробормотал Леонар, ощупывая стальную гладь. - Похоже... на серебро... А у нас Стурла по нему специалист.

Пятрас кивнул:

- Дождёмся утра и попросим поколдовать над этим Стурлу.

...Как только коротыш с утра вылез из палатки, раскрыл рот для хорошего зевка и хотел потянуться, к нему подскочил Пятрас:

- Старина, не мог бы ты произнести заклинание серебра над шкурой?

Он протянул коротышу затвердевший лоскут - теперь больше похожий на мохнатую серебряную пластину.

Стурла, рассерженный, что ему не дали всласть размять косточки, насупился, небрежно махнул рукой с браслетом, буркнул: «Аргентум» - и решительно направился к ручью умыться. Он даже не увидел, что от его заклинания шкурка поднялась в воздух, плавно покружилась и легла на колени Пятрасу.

На серебряной пластине проступили и выросли линии. Холмы. Реки. Маршруты. Колодец, из которого они вылезли вчера, был чётко отмечен. Там, где они видели руины, на карте стоял дом - целый, с трубой и садом. Ориентируясь по рисункам и обозначениям, стало понятно: нужно идти к горам. Где-то там - ущелье. Через него путь к Медикату.

Внизу карты, мелким, изящным почерком, было выведено:

«Верь в себя. И твои ноги приведут тебя туда, где осталось сердце твоих предков».

Пинар присела, схватившись за грудь.

- Как же всё это волнительно... - прошептала она. - До сих пор не верится, что Визидария осязаема.

Как раз от ручья, перекинув через плечо какую-то грязную тряпицу вместо полотенца, возвращался Стурла - бодрый, весёлый, с мокрой бородой. Увидев выражение Пинар и мельком оглядев остальных, он, мурлыча и отфыркиваясь, мимоходом заметил:

- Вижу по лицам, что вы что-то нашли. Значит, пора завтракать и отправляться в путь.

И юркнул в палатку.

- Стурла неисправим. У него не только железный шлем, но и железная выдержка, - с лёгкой улыбкой покачал головой Леонар.

За завтраком возбужденно обсуждали план.

- Судя по карте, через сутки, самое большое - двое, мы увидим первый город Визидарии. Как там его называли, Пятрас? - обращался повеселевший Тафари к великану.

- Город Чудотворцев, - сказал, сверяясь с картой тот, - только как же целый город помещается в таком узком ущелье?

- Вот там и глянем, - улыбнулся Марио, с аппетитом уплетая ломоть хлеба с сыром, - сколько до него идти вы говорите?

- Сутки. Может, двое, - напомнил Стурла.

- Разгадка близка! - вскочила Мэдлин. - Всего двое суток пути!

- Алиллуй! - встала Пинар. Она покрутила руками, разминаясь, - Не так уж и много.

* * *

...Но не через сутки, и даже не через трое, путники не увидели никакого города.

Ориентируясь по новой карте, они дошли почти до самой горной цепи.

Это были грозные горы, стоящие стеной до самого неба. Казалось, ещё пару холмов, и визидары подойдут к ним вплотную. Но сколько бы они к ним ни двигались, горы не приближались.

Путники блуждали уже неделю, и теперь им казалось, что они ходят по кругу.

За холмом открывался новый. Потом ещё один. И так до бесконечности. На каждой стоянке они в отчаянии сверялись с картой, но яснее не становилось. Слишком сильно изменились ландшафты. Они не встречали ни одного жилого дома, кроме пары разрушенных остовов старых хижин. Все вымотались. Даже песни Стурлы уже не утешали.

Как-то, на очередной стоянке, Тафари наблюдал за завтракавшими друзьями.

Все ели молча. Каша остывала быстрее, чем кто-либо успевал сказать лишнее. Следопыт про себя перебирал последние дни - не как карту, как раны: где струп, где ещё кровит.

Некогда весёлая Янмей теперь повесила нос и смотрела лишь в миску, ковыряясь в каше. Ночью вместо сна она всё чаще сидела в позе лотоса, не реагируя на разговоры. Словно уходила туда, где взрослых уже нет, а будущего ещё слишком мало. Тафари боялся спросить, что она видит. Боялся, что ответ будет честнее, чем стая может вынести натошак.

Девушки утомлённо молчали, а в пути вечно переругивались по пустякам - из-за темпа, из-за камня под ногой, из-за того, кто первым вздохнул слишком громко. Пустяк был предлогом. Настоящая ссора шла с бесцельностью.

Только Итиро и Марио просто молчали - будто разговоры в них закончились. Да и о чём говорить, когда цель не видна, не понятна и не осязаема? Молчание двух разных людей звучало одинаково: как сеть без улова.

За эту неделю визидарцы неуловимо изменились. Словно в каждом потихоньку выключили надежду. В глазах стояли недоумение и незадаанные вопросы. Каждого начал точить червячок сомнения. Вслух тревогу ещё не решались выпустить: сказанное слово сделало бы страх общим имуществом и общей проблемой. Но то, что происходило в душах, было видно без перевода.

Бесцельность убивает. Отсутствие понимания выматывает сильнее любой работы. Идти можно долго. Нельзя долго идти в никуда и оставаться собой.

Стурла последние дни был вечно сердит и бурчал себе под нос, как старуха, что потеряла золотой. Шлем начищал яростнее обычного - будто блеск железа мог заменить направление.

Пинар всё больше напоминала средневековую колдунью - на стоянках она варила зелья из рецептов, которые находила в своих тетрадочек. Иногда, когда все отдыхали, она ходила вокруг лагеря, собирая камешки и корешки. Оглянись, когда все прилегли - и издали можно было заметить её фигуру, склонившуюся над какой-нибудь очередной кучей. Она была сосредоточена и молчалива. А спроси чего, она лишь оглядывалась и таинственно лепетала: «Кто-то путает нам дорогу. Кто-то прячет от нас путь...»

Пятрас тоже стал менее разговорчивым. Всё чаще сидел, погружённый в себя, огромный и виноватый без вины.

Леонар на каждой стоянке, сосредоточенно кусая карандаш, сдвинув брови, делал записи в блокнот. Он так иступлённо хватался за записи, как тонущий - за соломинку. Писание отвлекало его от тяжких дум - или притворялось, что отвлекает. Иногда карандаш застыл, строка замирала на середине, как человек на холме, забывший куда идёт.

Тафари, который как-то незаметно стал предводителем группы и теперь чувствовал особую ответственность, окинул взглядом команду.

«Следопыт не имеет права выдыхать первым, - думал он. - Если я покажу, что тоже не вижу тропы, они останутся не без вожака. Они останутся без смысла идти. Мне нельзя быть честным до конца. Мне можно быть только твёрдым. А твёрдость сейчас - тоже ложь. Нужная».

Он видел, что друзьям нужна не карта. Нужна точка опоры в чужом голосе.

- Скоро всё будет хорошо, - сказал он твёрдо. - Вот увидите.

Визидары подняли на него глаза. В них загорелась не радость - жажда поверить. Тонкий, опасный огонёк.

- Правда? - по-детски спросила Мэдлин. - Ты обещаешь?

Тафари решительно кивнул.

- Обещаю.

Внутри у него сжалось. Обещание легло на язык, как камень: не выплюнешь, не проглотить. Он не знал, имеет ли право на него. Знал только, что без этого слова утро не сдвинется с места.

И ему поверили. Не потому что слова были умными. Потому что они были вовремя. Улыбки вернулись осторожно, как звери к водопою: ещё готовые рвануть назад.

Собрались в дорогу и двинулись дальше, перекидываясь шутками - чуть громче, чем требовала весёлость. Но этот смех отвлекал и наполнял. Пусть пустым, но нужным.

Опять шли до темноты.

Поднявшись на очередной холм, они увидели заброшенную ферму.

Подожли ближе. Лучше всего на ферме сохранился полуразрушенный каменный сарай. У его стен шло какое-то движение.

Приблизившись, ремесленники увидели белые кости крупного животного с остатками шкуры, которые доклевывали вороны. Птицы стайей кружили над добычей, и безжалостно дрались за последние куски. Много ворон, безжизненно раскидавших чёрные крылья, валялось вокруг.

Марио разогнал птиц палкой, накрыв останки несчастного животного куском парусины, который нашёл в сарае. Визидары разбрелись осматривать руины дома и сарай, а Пинар ковыляла в куче погибших ворон, снова что-то выискивала и собирала в узелок.

- Ты как всегда оригинальна, - буркнула, увидев это, Бёрнис, - даже спрашивать не буду, что ты там ищешь. Чтобы меня не стошнило.

- И не осмеливайся, - беззлобно ответила ей Пинар, продолжая работу.

- Здесь можно остановиться на ночь, - похлопал прочную каменную стену сарая Леонар. Все с ним согласились и стали разбивать лагерь. После ужина, когда визидары заснули, у костра остались дежурить Тафари и Пинар.

Старуха опять затеяла варить зелье.

Она доставала из своего мешка травы и корешки, клала их в маленький котелок, помешивая палочкой. Три раза в него плюнула. Сыпанула туда горсть кругляшей, что собрала накануне.

- Что ты варишь, Пинар? - спросил её Тафари, принюхиваясь к едкому запаху из котелка.

- То, что нас спасёт. Зрячее зелье, - спокойно ответила она.

- Зрячее зелье? Что оно делает? - поинтересовался подошедший Марио.

- Оно помогает найти дорогу. И увидеть то, что нельзя увидеть. Я добавила туда глаза воронов - это главный ингредиент.

Марио наклонился над котелком. Там булькало нечто напоминавшее керосин.

- Ты думаешь, это кто-то будет пить? - засомневался он.

- Только тот, кто захочет найти путь, - изрекла Пинар, продолжая помешивать массу, - ведь ты видишь, что мы ходим кругами.

- Я такого рецепта не знаю, - мотнул головой Тафари, - но тебе, Пинар, доверюсь. Возможно, это выход.

И варила Пинар это зелье до утра, пока в котелке не осталась густая кровавая жижа, тянувшаяся, словно кисель. Задремавший Тафари открыл глаза тогда, когда ведьма переливала Зрячее зелье в пузырёк. Запах от него теперь был ещё нестерпимее.

Как только над серым горизонтом забрезжили первые лучи солнца, из сарая и палаток стали вылезать сонные визидары. Потягиваться, разминаться. Когда все собрались у костра, Пинар разлила ещё дымящееся Зрячее зелье по кружечкам.

- Знаю, гадость, - сказала она. - Но если вы хотите увидеть путь, то надо выпить. Кто решится?

И она отхлебнула из своей кружечки. Пить согласились все. Только Янмей кружки не дали.

- М-м-м, как вкусно-о-о-о, - потянула, отхлебнув первой Бёрнис.

Мэд покосилась на неё, поднесла кружечку к губам, выпила залпом и закашлялась.

- Бёрнис, ну какая же ты врушка! - схватившись за грудь и давясь, сказала она.

- Не знаю, а мне понравилось, - подняла бровь Бёрн и иронично изогнула губы.

- У вампиров странные вкусы, - прокомментировал Стурла, прищурившись.

Но тоже выпил до дна свою порцию, добавив:

- Я вообще тебя, Бёрнис, побаиваюсь после битвы с дубовниками.

Последним протянул к кружке руку Марио. Рыболов долго внутренне собирался - в конце концов, он единственный видел, из чего это варилось, но всё же пригубил.

Зрячее зелье обожгло гортань, камнем упало в желудок и быстро разлилось по жилам. Марио большими глотками осушил оставшееся.

- Теперь надо забраться повыше и смотреть по сторонам, - приказала Пинар.

- В сарае есть лестница на крышу, - вспомнил Тафари.

Все двинулись в сарай и по остаткам лестницы вскарабкались на широкие балки крыши. Она обвалилась во многих местах, зияя дырами. Вот из этих дыр и высунулись девять визидарских голов и закрутились в разные стороны. А Янмей, сидя на старом пне, взирала на них с земли.

Сверху, было далеко и хорошо видно. И блёклые, словно жёванные, холмы, усыпанные крупными камнями; и далёкое скалистое побережье справа; и редкие кривые деревья.

Но ЭТО они увидели одновременно.

Мэд и Бернис закричали:

- Вы видите?! Вы видите?!

Переглядываясь они, показывая на одну точку. Туда, где в низине меж двух небольших скал, от земли поднимался голубой столп света.

Янмей внизу подпрыгивала от нетерпения: что же там увидели остальные?

Быстро слезли, собрали вещи, и, воодушевлённые, отправились туда, к двум кривым скалам.

В этом месте они уже точно были раньше - при подходе к утёсам нашёлся гребень Янмей, который она потеряла стуки назад. Но когда в прошлый раз они проходили мимо этой расщелины, то видели лишь разбросанные валуны. А сейчас на одном из камней светились вензеля и буквы. И именно от этого валуна поднимался свет.

Когда группа подошла ближе, то увидела, что в столпе, в футах от земли, светится воин в рыцарских доспехах. Он висел над камнем и чуть колыхался, словно огонь свечи от ветра. Воин глядел на них печальными глазами и указывал рукой путь.

- Что это? - спросила растерянная Янмей, показывая на камень с надписями.

- Это старинный кенотаф визидара, - перевёл древние письмена с камня Тафари. - Тело воина рассыпалось, хоронить было некого. Кенотафы - это надгробные плиты над могилами, в которых никого нет. Иногда там зарывали вещь, которая принадлежала погибшему, но чаще всего - ничего. Здесь, в этом камне осталась его душа.

Призрак опять поднял руку и указал путь. Когда они посмотрели, на что показывает рыцарь, то увидели на горизонте ещё один светящийся столп.

Мэдлин стерла рукавом пыль с камня.

- Спасибо, тебе, воин, - поклонилась Бёрнис и положила к кенотафу маленький букет вереска.

Воин поклонился им в ответ и погас. А они двинулись к тому столпу света, что издали звал к себе. Там душа другого воина указала им путь дальше. Так, по светящимся кенотафам, которые встречались то группами, то поодиночке, они, наконец, вышли на новое место.

...Ландшафт стал ровнее, горы слева приблизились. Теперь они стояли чёрной вертикальной стеной, поддерживая собой небо. На горизонте, утонув в вечернем тумане, горная гряда заканчивалась. Слева вдали у подножия чернел лес. Справа, у самого горизонта - на фоне затухающего неба вырисовывались очертания руин замка. От него осталась одна высокая башня.

Может, добраться до неё и попробовать залезть наверх? Наверное, с неё хорошо видно окрестности. За развалинами замка виднелась полоса океана.

- Слишком быстро темнеет, - задумчиво сказал, опершись на трость, Леонар, - надо устроиться ночлег. А завтра с утра решить, куда двигаться дальше.

...Визидары сидели у костра и впервые за эти дни смеялись от души. Стурла балагурил, Леонар сыпал историями, от которых даже Пинар забыла помешивать свой отвар. Дрова щёлкали. Искры улетали в чёрное горло неба и гасли, не долетев.

Все предвкушали перемену. Казалось, завтра они наконец за что-то зацепятся - за след, за смысл, за имя места.

В крошечной темноте, ещё тёплые от разговора, разошлись по палаткам. Закутались от сквозняка. Пахло сырым брезентом, дымом в волосах, остывшей кашей.

Тафари лёг между Стурлой и Леонаром, устроил шапку под щеку и приготовился думать. Где-то снаружи тонко протянуло. «Бля-а-а-мс».

Не сразу даже отделилось от ночи: то ли ветер прошёл в расщелине холма, то ли натянулась старая проволока у фермы, то ли в ушах ещё звенел костровой смех. Звук был чистый, короткий, будто струна - и тут же стал просто сквозняком. Тафари поймал его краем слуха, как ловят запах и не успевают назвать.

Он чуть приподнял голову, уже готовый шепнуть Стурле что-нибудь про «музыку дырявого сарая», - и увидел, что оба спят. Леонар даже карандаш не выпустил: тот торчал из кулака, как незавершённая мысль.

Спросить стало некого и незачем.

А сон навалился сразу, густо, без обычной борьбы следопыта, который всегда оставляет в себе одну незакрытую дверь. Веки потяжелели. Улыбка ещё держалась в уголке рта - от историй Леонара, от обещания, которое пока не успело его укусить.

Кажется, он только моргнул.

И провалился в тёплую, беспредметную темноту.

Наутро ночной звук показался ему обманом усталости. Миражом. Тем более думать было некогда: проснулся он от грохота на улице.

Это оказалась Мэдлин.

Она встала раньше всех, схватила палку и со всей дури колотила ею по камню:

- Вставайте, вставайте, надо двигаться дальше! - с придыханием, пела она.

- Ты сдурела? - недовольно закричала Бёрнис, закутываясь сильнее в одеяло.

- Дай поспать! - перевернулся Марио на другой бок.

Но Мэдлин не остановилась и не успокоилась, пока все не проснулись, и обе палатки не загудели как растревоженный рой в ульях.

Когда Стурла, зевая, вылез из палатки, Мэд уже стояла у костра, полностью собранная в дорогу.

Пока все просыпались, Мэдлин ходила туда-сюда по лагерю, беспокойно заламывая руки. На щеках её играл нервный румянец. Выглядела Мэд серьёзной и возбуждённой. Уселись завтракать, но Мэд опять вскочила.

- Да что с тобой?! - недовольно взглянул на неё Стурла.

- Действительно, чем ты так взволнована? - кивнула Пинар, - сядь, поешь, ведь ты не притронулась к миске.

Мэд же нахмурилась и сказала:

- Дорогие мои, мне приснился сон, из которого я поняла, что мы в большой опасности!

Говорила она медленно, обнимая себя для успокоения и глядя под ноги.

- Но я знаю, как выйти отсюда, - продолжила девушка. - В этом сне мне явилась дева, которая указала путь. Но она предупредила, что нужно добраться до ущелья как можно быстрее. Иначе с нами случится страшная-страшная беда. И мы должны идти без перерыва и отдыха, пока не дойдём до заветной цели. Прямо сейчас.

Все перестали жевать и молча смотрели на неё. Было что-то в облике и словах Мэд непривычное и неестественное. Словно её заворовили: напуганный, остекленевший взгляд, будто она видит неведомых чудовищ, которые вот-вот нападут.

- И всё это из-за сна? - поднял лохматые брови Стурла и отвернулся, - да ты просто переела на ночь сушёной баранины.

Он отмахнулся и продолжил есть. Ложка ходила ровно, слишком ровно - как у человека, которому удобнее жевать, чем слышать.

Другие к её словам отнеслись серьёзнее.

- А раньше ты видела пророческие сны? - спросил Итиро. Голос был тихий, почти бережный. Он сам слишком хорошо знал, каково, когда ночь приносит то, чему днём не верят.

- Нет. Никогда, - качнула Мэдлин головой. - Но этому видению я верю.

- Ты думаешь, что и мы должны начать верить твоим снам? - бросил через плечо Стурла. Шлем он не снял даже за едой. - Не думаешь ли ты, что это, как говорит Леонар, о-про-метчи-во, а попросту глупо?

- А какая беда нас ждёт? - спросил Леонар.

- Не знаю, - мотнула она головой, и от этого «не знаю» у неё самой пересохло во рту. - Но смертельная.

Слово упало. Никто его не подхватил.

- Угу, - скривился Стурла. - Надо идти за тобой непонятно куда, и ты не знаешь, что нам угрожает. Очень ло-гич-но. Я правильно выразился, Профессор? - обратился он к хмурающемуся Леонару.

Тот не ответил.

Молчание Леонара было громче насмешки. Он видел Мэдлин - не истеричку, не пророчицу. Девушку, которая прикусила правду и всё равно вынесла её на свет, зная, чем это кончится.

Разрядила ситуацию Янмей.

Она подошла к Мэдлин, взяла девушку за руки и, заглянув ей в глаза, сказала:

- Ты правильно рассказала про своё видение. Так и было. Мы слышали тебя. Я обещаю идти быстро и не жаловаться. До конца.

Мэдлин сжала её пальцы в ответ - слишком крепко, почти больно - и кивнула, потому что иначе бы заплакала.

Потом девочка повернулась к остальным и серьёзно добавила:

- Мы срочно должны идти туда, куда укажет Мэд.

После этих слов спорить стало нечем. Не потому что доказали. Потому что Янмей поставила точку там, где взрослые ещё искали оговорки.

Все разом стали спешно собираться. Мэдлин подгоняла остальных, постоянно оглядываясь на горизонт - будто беда уже шла оттуда шагом и только притворялась горой.

- Может, Зрячее зелье ещё действует? Давайте дойдём до той башни? И поищем путь оттуда? - предложил Марио.

- Нет!! - слишком резко отрезала Мэд.

Сама испугалась своего крика. Смягчила голос, но ноги уже не стояли:

- Я же сказала, что знаю дорогу.

И первой быстро пошла к горам.

Мэдлин даже не шла - бежала. Визидары еле за ней успевали.

По дороге ещё встречались кенотафы, но Мэд не обращала на них внимания. Лишь по сто раз глядела на маленькие часики, висевшие на шее. Правда, успокаивало то, что кенотафы показывали именно то направление, по которому команду вела Мэд.

Всех быстро накрыло утомление, словно лодыжки связали невидимые путы, но никто не жаловался. Сбивалось дыхание, поэтому по большей части шли молча, глядя под ноги. Только Леонар отдал свою трость Пинар, которая стала прихрамывать.

Мэд не разрешала делать привалы. А если они и останавливались попить, то Мэдлин, с опаской глядя за спины ремесленников, нервно их подгоняла. Она так страшно вращала глазами, что даже Бёрнис стала оборачиваться, но сзади никого не было - всё тот же знакомый унылый пейзаж.

В конце концов, через пять часов бега шагом, Стурла уже хотел возмутиться, не свихнулась ли Мэд часом.

Он шёл позади всех и, заводя себя, продумывал речь.

«Скажу сейчас, - думал он, - что, мол, мы слушаем эту дурёху? Четыреста лет ждала Визидария, а сейчас за часы что-то там случится из-за видений Мэд? И ждёт их страшная беда, какая правда, непонятно ей самой... А где доказательства, братцы, доказательства где, что Мэд, из-за её впечатлительной натуры, всё это не привиделось и не показалось?!»

Нет, ну а вы бы разве не стали возмущаться на месте Стурлы?

И только он хотел уже высказаться, только остановился, залез на плоский камень, чтобы произнести подготовленные слова, как поднял глаза и что есть мочи заорал:

- Есть! Есть!!! Мы нашли!!!

Стурла указывал на то, что увидели и другие. Из-за скалы, которая до этого сильно выдавалась вперёд, вдруг открылось ущелье. И сразу стало понятно, что это особое ущелье. Визидарское.

До самых облаков узкое пространство между двух скал было покрыто необычными круглыми домами. Разрушенными, во многих местах обвалившимися. Но всё же, по постройкам было видно, что когда-то здесь был необычный город.

- Город Чудотворцев... - заворожено произнесла Пинар, задрав голову.

Внизу несла воды бурная порожистая река. А город прилепился с двух её берегов и карабкался всё выше и выше. Пока не скрывался за облаками.

...Вскоре визидарцы вступили на первую улочку. Шли аккуратно, цепочкой, глядя по сторонам и ахая.

Какое здесь всё было ветхое, но удивительное!

Меж оставшихся домов разрослись пушистые лианы. Везде цеплялись за скалы, прижимаясь к камням, деревья, покрытые мхом и папоротником. Эти влажные вертикальные джунгли, перемешанные с клочками тумана, почти победили город, наполовину скрыв его под своим покровом.

Ремесленники вышли на одну из террас, которая в прошлом, видимо, была, красивой площадью. Ещё можно было разглядеть часть поблёкшей плитки и резные фонари. Но некогда красивый парапет, ограждавший площадь, почти весь обвалился. Зато отсюда открывался фантастический вид на ущелье. И стало видно, что дорога, ведущая из города за скалы, идёт по другой стороне. Туда как-то надо было перебраться.

Над ними, среди руин и обрушившихся переходов, выделялся один достаточно прочный мост. Ну, по-крайней мере, так казалось на первый взгляд.

В любом случае, больше выбора попасть на другую сторону, они не видели.

И по узким улочкам, каменным лестницам, часто выдолбленным прямо в скале, визидары стали карабкаться выше, чтобы подобраться к мосту. Вокруг начали виться новые незнакомые растения со странными плодами. Пинар с Леонаром хотели было остановиться, чтобы разглядеть их, обсудить и зарисовать, но Мэд, увидев это, опять стала резкой:

- Нет, надо спешить! Хватит смотреть по сторонам!

- Какая она сегодня грубая, - тихо сказал Леонар. Но задержаться у плодов не решился.

По лабиринтам улочек стали забираться дальше.

Прошли мимо нескольких разрушенных мостов, что ещё по инерции печально держались за противоположные берега, словно погибшие возлюбленные, сплетённые в объятия. Но они уже готовы были расцепить остовы, роняя осколки изразцов, как каменные слёзы.

Иногда с верхних улиц что-то с шумом отваливалось и летело, стучась о выступы, вниз, пока не падало в воду, поднимая огромные фонтаны брызг. А эхо гулко разносило этот шум в узком ущелье и становилось не по себе. Словно в умершем городе буянит прячущийся дух. Когда же, наконец, вышли к мосту, выглядевшему издали целым, то оказалось, что не так уж он и прочен.

Когда-то, наверное, он был прекрасен. Из чёрного лунного камня, с витиеватыми чугунными вставками. Но перил с одной стороны не было, и как только Тафари попробовал встать на первую перекладину ногой, она издала звук, словно кто-то провёл по клавишам пианино, и обвалилась вместе с третьей моста. Следопыт еле успел отскочить.

Визидарцы зачарованно наблюдали, как изящные плитки, издавая мелодичные стоны, посыпались вниз, на стаю красивых чёрных птиц, похожих на ящериц, с крыльями-перепонками и необычными красно-жёлтыми хвостами в виде стрелок.

Стая увернулась, обиженно заголосила, покружила над остатками моста и, поднявшись выше, скрылась в облаках. Там, куда они улетели, горы сильно сближались, и сейчас стало видно, что через ущелье перекинута лиана, сетки и верёвочные лестницы.

Марио, Итиро и Тафари поднялись к ним и попробовали натянутые канаты на прочность. К удивлению, но они оказались весьма надёжными. Под верёвками были натянуты сетки. Тафари схватился за один канат, разбежался и ловко перепрыгнул на другую сторону ущелья. Он закрепил верёвку и, держась за неё, ступая по сетке, вернулся обратно к остальным.

Начали перебираться. Мэд, трусиха, но зажмурив один глаз, молча прошла по сетке, не глядя вниз. Только стала совсем белая, как мел.

Перенесли Янмей, помогли перебраться Пинар и Бёрнис. Сами перешли Пятрас, Итиро и Марио. Потом через пропасть полез Леонар. В какой-то момент одна его рука вдруг сорвалась с лианы, а ноги соскользнули с сети. Несколько секунд граф висел на одной руке над пропастью, с плеча съехала сумка и из неё вывалились носовые платки, карандаши, его тетрадь. Всё это полетело вниз. Но не жалко было вещей. Сейчас было важно, чтобы Леонар смог снова зацепиться второй рукой за канат. У него была всего лишь одна попытка, ибо на две у него бы не хватило сил.

Он разогнулся и, схватившись за верёвку, подтянул ноги и снова встал на сеть. Когда он добрался до другого края, его крепко обняла Янмей и Пинар:

- Милый наш, славный Леонар, - запричитала женщина, - как же было за тебя страшно!

А Леонар посмотрел назад и грустно произнёс:

- Записи жалко...

- Ничего, ты напишешь ещё. У тебя же всё в голове! - попыталась успокоить его Пинар.

Пришла очередь перебираться Стурле.

Но он запаниковал: только коротыш ступил на сетку, как его маленькая ножка провалилась сквозь сетку. Он её еле выдернул, отскочил обратно и отказывался на эту, как он вопел - «а-ван-тю-ру!» Его долго уговаривали, увещевали и задабривали. А Стурла кричал с той стороны:

- Нет, и не подумаю!!! Я не дурак...

Мэд совсем изнервничалась, глядя на часики. «Мы можем не успеть, и все погибнем. Если бы только он знал, если бы только знал, что нам угрожает, он бежал бы сюда по воздуху», - подумала она, прикусила губу, чтобы не расплакаться. И тут она встретила взглядом с Пятрасом.

Он внимательно посмотрел на неё.

«Пожалуйста, придумай что-нибудь», - сказала она ему одними губами, тут же понимая глупость своих слов - что зависело от Пятраса? Не он же сопротивлялся. А Пятрас, ещё раз поглядев на огорчённое лицо Мэдлин, быстро, в два скачка, почти не держась за лианы, перебрался на другую сторону, схватил вырывающегося Стурлу ногами вверх и в мгновение ока перетащил его к остальным.

Коротыш вопил, как резанная гиена, но испугаться не успел.

- Пожалуйста, скорее, - твердила Мэд.

Теперь уже никто не сомневался в её пророческом сне. И все спешили за ней.

Янмей несли на руках и загривках по очереди. У Пинар были сильно стёрты ноги, один её ботинок наполнился кровью, но она, глядя в спину спешащей Мэд, не смела жаловаться. Бёрнис стала задыхаться, но тоже держалась.

Город Чудотворцев закончился, и теперь визидаы пробирались по узкой дороге над обрывом. Мэдлин объяснила - дева во сне говорила, что это самый короткий путь в Медикат. Но было страшновато: в некоторых местах заросшая, еле видимая тропка сужалась настолько, что пройти по ней можно было только прижавшись спиной к скале. Иногда из-под ног вываливались большие куски грунта и, скатываясь, падали в воду. Часто им встречались небольшие

водопады. Возможно, они выглядели красиво, а в тёплую погоду и освежающе, но сейчас и так стыли пальцы, а тут ещё приходилось пробираться под струями воды, руки скользили по мокрым камням, ноги срывались, холодные брызги летели за шиворот.

Но, наконец, горы закончились.

Впереди показался выход из ущелья.

Дорога расширяясь, пошла под уклон. Но за ущельем ничего было толком не разглядеть - всё было словно в мареве - расплывчато, закрыто плотным зеленовато-серым туманом.

Здесь он был почти непроходимым, осязаемым.

Идти стало тяжелее, воздух пульсировал, сгущался и не пускал. Каждый шаг давался с трудом, как под водой. Как будто визидары не шли вниз, а поднимались вверх.

Но чем ближе они подходили к выходу из ущелья, тем сильнее бились их сердца - теперь в дымке всё чётче проступали огромные решётчатые ворота.

Из чугунных золочёных завитков, они поднимались так высоко, что верх терялся в тумане. Ворота одиноко стояли на дороге. Закрытыми, хотя казалось, что можно спокойно пройти мимо них. Ведь забора не было. Вместо него на некотором расстоянии друг от друга стояли уже знакомые им кенотафы. Над ними край тумана становился видимой плотной стеной.

Ремесленники повеселели и стали идти спокойнее.

Вдруг кенотафы одновременно засветились и плавающие в воздухе души рыцарей стали показывать визидарам за спины. Обернулись - с востока на них надвигалась мощная серебристая туча. Она была похожа на огромный косяк рыб с чёрными плавниками.

Косяк был правильной кубической формы. Когда он приблизился чуть ближе, то стало понятно, что это летящие рыцари в чёрных развивающихся плащах. Они медленно надвигались ровным строем. Сколько их было? Десятки? Сотни? Первые ряды рыцарей, долетевшие до широкой части дороги, пружинисто опускались на землю. Твёрдо встав на ноги, и, оголив мечи, они решительно направлялись к визидарам. А за ними появлялись новые и новые ряды. Один из рыцарей поднял забрало, но там не было лица. Лишь страшная зияющая пустота.

...Визидары побежали. Нет. Понеслись.

Леонар и Марио подхватили подмышки Стурлу. Всей толпой устремились к воротам.

Итиро всё понял первым. Он уже видел ту самую заветную скважинку.

Горло пульсировало, лёгкие сдавило, в правом боку кололо, но Итиро был сосредоточен лишь на маленькой резной дырочке в чугунных воротах. Сейчас был самый главный забег в его судьбе. И от него зависела жизнь остальных.

Итиро вырвался вперёд, на ходу вытащил из-под рубахи ключ, снял его с шеи, зажав в потной ладони. Он боялся только одного - не попасть с первого раза.

Всё случилось в одно мгновение: ящерка на ключе зашевелилась, ожила, в нужный момент она сама впрыгнула в ржавую прорезь и прокрутилась. Визидары вкатились, впрыгнули, ввалились кувырком внутрь, и решётка закрылась, содрогнувшись и лязгнув от последовавшего в неё мощного удара сотни лат одновременно.

Стена тумана была для летучих рыцарей прочным барьером. Они вдавливались в неё, пытались протиснуться, но не могли этого сделать. И этот странный туман, пусть искажая, проявил лица нападавших: сквозь поднятые забрала стали видны тени, застывшие в кошмарном крике. Рыцари, которых было несметное множество, облепили решётку и прилегающее пространство на полмили вверх. Они бились в невидимую преграду, но не сломили её.

...Накануне этого дня Хьюго Хармус был весел и сосредоточен. Приближался исход, которого он ждал четыреста лет.

Сегодня, ненадолго задремав, он проснулся от запаха смерти. Осязаемого и осязаемого на языке. Концентрированного. Возбуждающего. У Хьюго волосы встали дыбом, на лбу про-

ступила испарина, а по спине пробежали мурашки. Настолько это было явственно: пульсирующий аромат крови. Такой она выбрасывается из вены жертвы и смешивается с её животным страхом. Хьюго сразу вспомнил его - этот запах. Как же давно он не чувствовал близко этого тонкого приятного дыхания чужой смерти!

Когда же он ощутил его впервые остро? Так, как сейчас?

Нет, не тогда, когда умерла мать. Не тогда, когда малумы терзали Визидарию. Позже. Когда? С Алаун. Да. Именно с ней.

Четыреста лет назад, коснувшись тогда, у башни, её остывающих губ и слизнув с них проступившую кровь, он почувствовал его впервые. Хьюго смотрел в её стекленеющие глаза, видел, как заостряются черты, застывает на её лице маска, делая его ещё прекраснее... И тогда вокруг неё витал именно этот запах. Но сегодня...

Он в волнении облизал губы. Только бы малумы выполнили его желание и не убили ремесленников. Он это сделает сам! Причём начнёт с младшей. Как её там? Да неважно. Смерть девочки заставит сильнее биться сердца остальных, разгоняя по жилам ужас, который пропитает каждый их мускул, хотя бы они этого или нет. И тогда он сполна насладится духом смерти и чужого страха. Именно это придаст силы довести начатое когда-то до конца.

Визидары приближались. Он убедился в этом ещё раз, взглянув в Пророческий Дракониный глаз. Теперь его хрусталик показывала их рожи почти всегда, и это не могло не радовать. Хьюго не волновался - всё было готово. Как только визидары сойдут с холмов к дороге, ведущей к ущелью города Чудотворцев, малумы накроют их. Они ждали лишь его команды. Спешка здесь была не нужна.

Хьюго присел на секунду в кресло. В полном обмундировании - в плаще, надетом на новые латы, украшенные тонким рисунком. Только шлем с головы снял ненадолго. И всего лишь закрыл глаза, не выпуская Драконова глаза из рук. На секунду.

Когда он их снова открыл, то точно понимал - прошло всего лишь мгновение. Но в шаре увидел: визидары уже шли по узкой тропе к воротам, преодолев город Чудотворцев.

Как это произошло??!!

Хьюго взревел и выскочил в коридор. У двери лежала бездыханная Алаун. Дальше по коридору валялись слуги. Где стояли - там упали.

Хьюго нёсся по подземелью и орал без остановки. Все, кого он встречал по пути: помощники, всё его войско на плацу - словно опьянённые, спали кто где.

Хьюго мысленно приказал малумам подняться. Они, дрогнув, воспарили. Но были вялыми и беспомощными. Не было времени разбираться, что случилось. Ещё можно было бы попытаться догнать ремесленников и разбить их у самой защитной стены. И Хьюго отдал приказ. Малумы чёрной тучей двинулись к ущелью.

А Хьюго помчался спасать консунтов.

Он привёл в себя Джейкоба и его команду. Те, шатаясь, флегматичные и осоловелые, будили остальных.

Лишь Алаун не приходила в себя и выглядела неживой.

Хьюго потряс её, в отчаянии похлестал по щекам. Потом он схватил девушку на руки и потащил в мастерские. Там он положил её в оживляющий ящик.

- Если Алаун погибнет, каждый из ремесленников заплатит дважды! Я разорву их. Каждого! - зло заорал он, стукнув по крышке.

Но через какое-то время девушка стала приходить в себя.

А потом вернулись малумы и принесли ужасную весть - они не успели...

Это и была та самая страшная битва, которую предрекала старая Шильда?! Сейчас Хьюго бы хотел убить её во второй раз. Он схватил первую попавшуюся по рукам увесистую деталь и начал методично громить мастерскую.

- Хозяин... - несмело окликнул его Джейкоб, прячась за косяк, - Хозяин!

Хьюго, остановился, глядя мутными налитыми глазами на профессора.

- Хозяин, - продолжил тот, - у меня для вас есть очень важное известие. Думаю, оно вас утешит.

И Профессор пригласил Хьюго в другую комнату, где среди склянок, заставленных чугунами полками, бутылочками и прочей дрянью, над одним из столов висела грифельная доска. Она была покрыта чертежами. В один из них и ткнул пальцем Джей.

- Знаете, что я заметил за последнюю неделю своих наблюдений? Я много лет наблюдаю за давлением защитного поля тумана, - сказал он, тыча на две точки в графике. - Посмотрите сюда и сюда. И если так будет продолжаться дальше...

Хьюго и Джейкоб переглянулись.

- Так это точно? - спросил Хозяин.

- Да, - кивнул Джей, - не хотел говорить, пока не убежусь окончательно, но сейчас как раз такой момент...

- Точно, сейчас был именно тот момент! - радостно воскликнул Хьюго.

- И ещё, - Джейкоб оглянулся на дверь, - Малыш придумал кое-что гениальное! Послушайте его...

Позвали Малыша. Он, медленно переваливаясь, переминаясь с ноги на ногу, вошёл, медленно уселся, медленно и обрывочно стал говорить:

- Помните ли вы... что малумы питаются принесёнными Кармами пороками? Мы не только можем сделать латы малумов полностью прозрачными, о... мы придумали способ сделать их страшнее. Гораздо страшнее! В ваших подвалах мы нашли одно средство. Сделали из него зелье, скрестив его с той массой, что приносят Кармы. И теперь... для каждого, на кого они нападут, это будет личным адом...потому что...У любого живого существа есть только один непобедимый враг... это...

И далее Малыш поведал такой гениальный план, от которого даже у Хьюго отвалилась челюсть.

С каждым словом большого, нелепо сшитого консунта, и пояснениями Джея у Хозяина повышалось настроение. То, что они изобрели и, правда, было невероятным. Как он не додумался до этого сам?!

- Чудесно! Гениально!! - приговаривал Хьюго, поднимаясь после этого разговора в зал, - с таким средством мы не сможем не победить!

Глава третья

Долина Сиреневых ветров

Итиро лежал, уткнувшись носом в тёплый мох. Перед глазами медленно кружили алые вихри, словно кто-то размазал по миру кровь закатного солнца. Сердце так сильно колотилось, что Итиро не мог думать ни о чём, кроме этого стука. Оно заполонило всё тело, пульсировало в печени, в каждой мышце, отдавалось в пальцах и даже в ногтях - казалось они вот-вот лопнут от напряжения.

Когда багровая пелена наконец отступила, зрение Итиро немного прояснилось, он чуть повернул голову и увидел остальных. Они лежали вокруг, разбросанные среди моховых зарослей и не могли отдышаться. Изумрудные кочки вокруг них были восхитительно уютными: мягкие, бархатные, будто самые нежные перины, приглашающие утонуть в них навсегда.

«Как же хорошо... - подумал Итиро. - Вот так бы лежать и лежать, не шевелясь, и вдыхать этот терпкий, острый запах прелой земли, старых корней, от которого кружится голова и успокаивается боль в висках».

...Янмей вскочила раньше всех. Она вздрагивала от глухих методичных ударов рыцарей в невидимую стену. Её золотые серёжки с подвесками, звеня, подрагивали в такт подбородку.

- Кто это? - спросила она, указывая на них.

- Это малумы. Те самые, что почти полностью вырезали визидарский род, - холодно, будто зачитывая приговор, произнесла кукла Мэй, выпавшая из сумки.

- А почему мы их видим? - приподнявшись, пытаясь унять сбивчивое дыхание, спросила у куклы Мэдлин, - они напились крови?

- По моему наблюдению, мы видим не их, а латы, - ответил за Мэй, отряхивая костюм, Леонар, - ну, или этот защитный... э-э-э.. туман проявляет их сущности.

Тени побились в стену ещё немного, а потом, как по команде, отступили и растворились в ущелье.

Стало тихо.

Ремесленники воспряли духом.

Они поднимались с земли и приводили себя в порядок. Янмей подняла упавшую куклу и, играя с ней, сидела поодаль на камешке. Девочка что-то тихо спрашивала у Мэй на ушко, а та отвечала.

Итиро огляделся.

Перед ним простирались холмистые вересковые пустоши. Весь воздух на многие мили представлял из себя водянистый, разбавленный туман. Словно в жидкость добавили щепоть крахмала и размешали. От этого все дальние очертания чуть расплывались. А солнце выглядело, словно лопнувший желток.

Справа, на огромной поляне, возвышалась крутая горка. Она была мощным постаментом внушительному дереву.

Дерево стояло голым, раскинувшим саженные ветви, которые, смыкаясь, образовывали огромную крону - целое птичье государство. А его толстые, словно жилы, корни были такими сильными, что заволокли собою всю поверхность холма. В местах пересечения корней скопилась вода - видимо, недавно был дождь. В лужицах чистой воды отражалось пересечение веточек, словно фрагменты утончённого кружева.

Вдруг, словно порывом ветра, на поляну принесло стайку длинноногих птичек. Они покружили в воздухе, издавая тонкий, хрустальный щебет, опустились прямо на края лужи и стали пить, погружая в воду вытянутые изогнутые, словно серебряные иглы, клювики.

Тафари шагнул ближе и произнёс приветствие. Но птицы лишь вспорхнули на нижние ветви дерева и уставились на него круглыми, удивлённо-знающими глазами. В этих глазах не

было страха - лишь лёгкое сожаление, как будто они хотели сказать: «Мы слышим тебя, но не понимаем».

Рядом, тяжело гудя, пролетели огромные зелёно-коричневые шмели - такие крупные, что казались мохнатыми воробьями. Их крылья оставляли в воздухе едва заметный, как пыльца, золотистый след. Тафари протянул ладонь, надеясь, что хотя бы они ответят ему привычным доверием, но шмели мягко обогнули его руку и поплыли дальше, повинаясь невидимому течению.

- Как же так? - растерянно прошептал Тафари, и голос его дрогнул. - Я... я больше не чувствую их языка. Не могу позвать, не могу услышать.

- И я не понимаю этих птиц... совсем, - раздалось сразу с нескольких сторон. Голоса ремесленников звучали растерянно, словно эхо потерянной песни.

- Может, здесь перестали работать наши ауксилы? - предположил Марио, оглядываясь, будто искал в воздухе невидимые нити магии, что случайно оборвались.

- Стурла, а ну скажи что-нибудь на норвежском, - попросил Леонар.

Коротыш, массируя ушибленный копчик, пробурчал длинную, шипящую фразу, полную гортанных звуков.

- Что он там говорит? - спросил Тафари.

- «Отстаньте от меня, бородастые тролли», - перевёл Леонар. - Значит, переводные ауксилы работают исправно.

Следопыт покачал головой, в груди его шевельнулась холодная тень грусти:

- Неприятное открытие, - сказал огорчённо он, - будто я частично оглох.

- Мэй говорит, что твой ауксил был выкован для жизни визидаров среди людей. Там он, как и прежде, работает. Здесь у животных язык другой. И мы будем понимать их, но иначе. Здесь все: визидары и природа вокруг - единый организм. Только замолчи, прислушайся и не нужны будут переводчики, - мягко пояснила Янмей.

Девочка подняла руку и указала на дерево.

- А это одна из реликвий, страж Визидарии - священный ясень Биле Ушнег.

Ремесленники обступили дерево и, задрав головы, рассматривали могучий ствол, покрытый дуплами.

- А визидарцы то живы? Остался ли кто здесь? Мы встретим кого-нибудь? -спросила Пинар у Янмей.

- Вот этого кукла не знает. Говорит, сами скоро всё увидите.

От большого ясеня между вересковыми холмами начинала петлять светлая песчаная дорога. По ней визидарцы, собрав разбросанные пожитки, и отправились дальше.

Как только они зашли за первый холм, перед ними предстало странное место: дальше дорога пролежала через топь. Из болотной жижи то тут, то там возвышались исполинские деревья-дома, уходившие футов на пятьдесят ввысь. Наверное, понадобилось бы четверо или пятеро Пятрасов, чтобы, раскинув руки, они смогли обнять их стволы.

Деревья были необычными - толстый ствол каждого был почти голым, только кое-где из него торчали редкие сгнившие ветки, как у облезшей сосны. Зато расширяясь кверху, они заканчивались огромным хаотичным клубком ветвей. Словно какой-то могучий титан вырвал дерево из земли, и ради забавы, поставил корнями вверх. И там, наверху, меж этого беспорядочного сплетения, напоминавшего гигантское гнездо; из всего, что было под рукой, построил домишки и накрыл их конусовидными черепичными крышами.

Внизу каждое дерево веером раскинуло вокруг себя узловатые сочленения воздушных корней, похожих на множество кривых пальцев, которыми оно опираясь, цеплялось за кочки топи. Меж этими отростками в каждом стволе можно было обнаружить дверцу, что, видимо, и вела в жильё на деревьях.

Наверное, когда-то это было красивое место: кто-то приспособил корни одних деревьев под уютное крыльцо, другие выглядели верандой или сарайчиком... Но теперь одни домики-деревья были разрушены, другие казались заброшенными и нежилыми.

Но один, на вид самый крепкий, был как раз рядом с обочиной. Ближе всего к ним.

Прямо к его двери от дороги, вёл широкий настил.

Да-да-да! В доме явно кто-то жил - над дверью светился фонарик!

Если задрать голову, было видно, что в каждом клубке веток над окошками этой постройки, были развешаны многочисленные ленточки, связки колокольчиков, кружки, ложки, погремушки и куча другой утвари. И к тому же, ствол много раз обвивала странная медная труба, которая расширяясь, уходила наверх, поднимаясь над крышей.

- Немного напоминает твой дом, Стурла, - улыбнулся Итиро, показывая на качающиеся ленты.

- Вот ещё. Ничего общего, - обиделся коротыш, - погляди, сколько хлама. Это дом какого-то старьевщика. А у нас с Дэгни уютная ферма.

- Не время ссориться, - торжественно объявил Леонар.

Он прочистил горло, прокашлялся и с придыханием добавил:

- Вдумайтесь в примечательность момента! Кажется, сейчас мы увидим первого жителя Визидарии. Каков он? Что за вести он нам принесёт?

Так говорил граф, приближаясь по скрипучему настилу к домику. Под Пятрасом доски тревожно затрещали, но выдержали. Ремесленники совсем уж было подошли вплотную к двери.

Это была бы ничем непримечательная деревянная дверь, сколоченная из прочных досок, если бы не её ручка - извивающийся дракон с глазами из янтаря. Леонар снова обернулся, кажется, он уже ничего не видел - ни ручки, ни ремесленников вокруг. Он положил руку на грудь:

- Как же бьётся сердце! - прошептал граф. - Это очень важное мгновение! Следует подготовиться, возможно, кому-то из нас, самому ответственному, произнести речь. Может быть, другие добавят по предложению. По какой-нибудь концентрированной мысли, поделятся мудростью... Как говорил Руссо...

Пятрас протянул руку над головой Леонара и позвонил в один из колокольчиков.

Звук вышел тонкий, короткий, почти насмешливый.

Леонар мгновенно закрыл рот, вытянулся, одёрнул пыльный пиджак, протёр очки и выразительно опёрся на трость, сделав лицо умным и задумчивым. Речь умерла на полуслове, не успев стать ни мудростью, ни глупостью. В ушах ещё стояло «Руссо», а в ладони - холод набалдашника.

«Вот и вся церемония, - мелькнуло у него с внезапным, почти обидным смирением. - История не ждёт вступления. Она входит без стука. Или со звоном».

За дверью зашуршало, заскрипело.

Она распахнулась -

и на них выпрыгнуло чудище.

С двумя чёрными головами - одна над другой. Шерсть его была дыбом. Венчали головы большие безобразные рога. Чудище страшно взвыло: «Хочу ещё крови!!! Хочу ещё крови!!!» И протянуло к ним лапы, перепачканные красным.

- Господи, - схватился за грудь Леонар, - я, конечно, понимал, что за четыреста лет наши братья изменились... но чтобы так одичали, - выдохнул он, от неожиданности навалившись спиной на Тафари.

Тут страшилище застыло.

Сдёрнуло маску, и показало вполне разумное круглое лопухое лицо с веснушкам на маленьком курносом носе. Это был низенький плотный человечек с небольшим горбом на спине.

Его глаза навывкате стали ещё круглее. Он захлопал белёсыми ресницами и с ужасом уставился на пришедших. Дрожащими руками коротыш скинул наряд, состоявший из шапки-маски и чёрного плаща. Вытер об себя краску с рук. Он только и смог выдать:

- Из-из-ви-ви-ните, я ду-думал это Си-си-ридин.

Потом коротыш оглядел ремесленников повнимательнее, и спросил уже напряжённо:

- А к-к-кто вы та-та-такие?

- Позвольте представиться, - поклонился, пришедший в себя, Леонар, - мы - группа визи-даров-ремесленников, которые пришли из мира людей. А как зовут вас?

- Я - Но-носик...

- Здравствуй, Ноносик, - как можно дружелюбнее улыбнулся Тафари, выйдя в круг света.

- Нет, Я Носик. Носик Цыл, - собрался коротышка с духом, - визидар из сидов. Мы раньше жили в горах, потом перебрались сюда, тут жила бабка по маминой линии... но это было давно, когда отец сломал лодыжку и лекарь посоветовал ему местные болота... потом...

Носик пересчитал по головам визидаров, стоящих у его порога, и побледнел ещё сильнее. Видно, ноги его больше не держали. Он схватился за косяк, затряс головой и спросил, словно спорил сам с собой:

- Нет-нет... Не может быть. Не может быть... Вы пришли из мира людей через Спасительные ворота? Так вы ремесленники? Вы - Прославленные????!!

Сказал и сам испугался, закрыв ладошками рот.

- Мы, конечно, ничем ещё не прославились, - сказал Итиро, - но мы вернулись.

- Как было написано в пророчестве, - пробормотал Носик и его взгляд стал безумным. На висках проступили капельки пота.

Какое-то время он стоял, переваривая информацию, которая никак не могла в нём уместиться. От напряжения теперь у него пальца, кончик носа и даже уши ходили ходуном. Потом Носик опомнился, подскочил и пригласил их в дом:

- Заходите, заходите. Тут, правда, - он покосился на Пятраса с Тафари, - может быть кому-то из вас тесновато, но всё же, заходите!

Носик поднимался по скрипучим ступенькам узкой винтовой лестницы, мелькая вышитыми сапожками с загнутыми носиками, и бормотал, причитая: «В моём доме! Прославленные ремесленники!!! А я вчера не вытер пыль!», его голос гудел и множился внутри полого ствола.

Пятрас пыхтел последним, потому что еле вмещался в проход. Наконец, наверху показали перильца. За ними открылась неожиданно большая круглая комната. На все стороны света из неё выходили окна, за которыми виднелись нависшие ветки с ленточками и другой рухлядью. Они, словно мохнатые брови, обрамляли каждое стекло. По одной из стен комнаты вверх карабкалась ещё одна лестница, видимо, на следующий этаж.

Гостиная с деревянным потолком в хаотичных балках, объединялась с кухонькой.

В этом пространстве поместились: маленькая печурка; полки с банками, чугунами и бочонками; удивительной округлой формы диванчик; просиженное кресло; столик, заставленный грязными тарелками, высохшими огрызками и книгами. Здесь же были два больших буфета - один с разнокалиберной посудой, другой - со связками документов, бумаг и газет. У самого большого окна, в огромной кадке, пытался выжить давно неполитый грустный цветок с мясистыми фиолетовыми листьями.

Мебель в гостиной была расставлена с умом, и даже почти уютно. Но всё было покрыто толстым слоем пыли. Видно, хозяин не прибирался не только вчера, но, кажется, и последний год тоже.

Под ступеньками лесенки, что вела в мансарду, примостились полки, забитые книжками, мелкими статуэтками и рисунками. Сюда же из стены выходила там самая медная труба с улицы. Она ещё пару раз перекручивалась вокруг себя и заканчивалась тонким стержнем с деревянным набалдашником. На нём был прицеплен замусоленный клочок бумаги, на котором жирным было нацарапано одно слово: «Нет!!!» С тремя восклицательными знаками.

- Какой удивительный дом, - чихнув, сказал Марио.

- А, - отмахнулся Носик, - здесь в округе все такие. Мы издавна строили их на вертлявниках. Наши деревья растут на болоте, поэтому их корни свернуты под стволом навроде огромного шара и погружены в воду. То, что на поверхности цепляется за само болото - это ложные корни - первый ряд веток. Они для того, чтобы вертлявник мог балансировать на неустойчивой болотной почве. Когда дерево вырастает и старится, оно становится полым внутри. И остаётся только прорубить в стволе дверь, поставить лестницу и достроить дом. Но теперь в наших болотах я остался жить один. Остальные разъехались. Не больно то им нравилось жить в крутящихся домах.

- Крутящихся? - удивился Леонар.

В это время за окнами налетел порыв ветра. Сначала взметнулись ленточки и тряпицы, затем загрели многочисленные кружечки, колокольчики, висящие на ветках. А потом дом, хоть и со страшным скрипом, но плавно, повернулся вокруг своей оси. Это было неожиданно, и ремесленники полетели на пол. Только хозяин дома да Пятрас успели расставить ноги пошире, чтобы устоять.

Носик, как ни в чём не бывало, подхватил падающую с полки корзинку, и сказал:

- Только зимой тяжело - налетают ураганы, дом может крутиться без остановки по две недели. А летом проблема - лишь болотное комарье.

Дом крутанулся, как старая юла, и остановился. Носик удовлетворённо кивнул и добавил:

- Сейчас я вас покормлю!

Он двинулся к полочкам в кухонный закуток. И уже через минуту, фальшивя, во весь голос напевал «Гром и молния разя-а-ат, скоро ветры налетя-а-ат..», гремел оттуда кастрюльками и, косясь на гостей, иногда мотал головой, проверяя самого себя - уж не снится ли всё это?

Мэдлин и Бёрнис рассматривали за окном колыхавшиеся на ветерке предметы.

- А почему на лентах висит так много колечек? - спросила у Носика Бёрнс.

- Знамо для чего - для привлечения сорок, - объяснил, скидывая на сковородку порезанные кусочки мяса и энергично их мешая, визидарец. - У нас есть поверье, что сороки приносят хороший ветер. Ведь в этих болотистых краях вся жизнь зависит от его направления: с какой стороны повесить сушиться бельё, где на ночь окно открыть... Моя мамаша говорила: «Сорочий ветер и накормит, и убаюкает». Это значит...

Леонар, сидевший с Итиро на диванчике, нетерпеливо откашлялся, привлекая к себе внимание. Носик замер и взглянул на него.

- Расскажите лучше, сколько в Визидарии осталось жителей? - спросил его Леонар.

- Ах, да! - всплеснул руками Носик, - я такой забывчивый!

Он отложил миску, подбежал к шкафчику, снова вытер грязные руки об штаны и вытащил кипу вырезок из газет, которую положил перед Леонаром.

- По инструкции я должен дать вам основные сведения о положении в стране на сегодняшний день, - тараторил он.

- По инструкции? - поднял удивлённо брови Тафари.

- Ну, да. Все в долине знали, что когда-нибудь придут спасители... э-э-э- Прославленные. Многие, правда, думали, что это всего лишь легенды. Но вот и вы - собственной персоной... Поверить не могу!!!! Так вот, на этот счёт за четыреста лет Совет визидаров написал не один десяток инструкций. У меня какая роль? Самая главная! - тараторил он без умолку. - Я вот, - он важно указал себе на грудь, а потом выставил вперёд пятерню и стал по очереди загигать

пальцы, - перво-наперво должен вас встретить. Второе - дать последние сведения и объявления, которые вырезаю из газет и коплю... У меня, между прочим, - похвалился он, - у единственного в стране, свой собственный государственный почтовый шест! - для того, чтобы впечатлить и придать вескости словам, он выпучил глаза ещё больше. - Такой голубой с эмблемой: чёрное перо с золотыми буквами ВП. Что означает - визидарская почта. Не заметили? Стоит у самого порога, и мне не надо за почтой ездить в...

В это время на плите за его спиной в чугунке задымилось варево. И одновременно кто-то громко позвонил в дверной колокольчик. Носик подскочил, как ошпаренный, заметался, стянул голой рукой чугунную сковородку с огня. Обжёгся, взвизгнул, приплясывая, стал дуть на пальцы, и поскакал по лестнице вниз к двери.

Стурла покачал головой ему вслед, подошёл к перильцам и, просунув голову сквозь ограждение, стал прислушиваться к тому, что происходит внизу.

- Неудобно, - потянула его оттуда за рубаху Мэд, - не подслушивай.

Но Стурла отмахнулся от неё и продолжал наблюдать дальше.

Отсюда ему было видно, что у порога стоит высокий пожилой визидарец, чьё лицо обрамляла пышная белая борода. Он стоял, опираясь на посох, в длинном льняном пиджаке, подпоясанном пёстрой зелёно-желто-красной лентой. На голове его была натянута красная шапка-колпак навроде длинной наволочки на узкую подушку, заканчивающаяся на углах двумя синими кистями, а поверху на шапку был надет венок из зелёных листьев.

- О! Сиридин! У меня такие новости!!! - всплеснул руками Носик, обращаясь к борода-тому.

А тот, игнорируя эмоции соплеменника, торжественно снял с плеча мешок, покопошился в нём, достал подарок, перевязанный лентой, и протянул его Носику со словами:

- Вот и до тебя дошёл, наконец, поздравить с Самайном! Давай расцелуемся, как принято. Счастья тебе!

И он распахнул объятия, чтобы обнять Носика. Но тот вывернулся, отмахнулся и зататорил:

- Да счастье то уже прибыло!!! Вернулись Прославленные!

Сиридин насутился.

- Эту шутку ты говорил уже дважды. На Саймон в позапрошлом году и четыре года назад, - сердито сказал он, нахмутив брови, - так и хочется дать тебе посохом по лбу, чтобы ты больше так не шутил. Все же знают, что если бы они пришли, то ты бы...

- Конечно же! - со всего размаха ладошкой сам себе дал по лбу Носик, - как же я забыл?!!

Он снова подскочил, быстро взлетел по лестнице, отпихнув по дороге Стурлу, подбежал к концу медной трубы торчавшей из стены, сорвал бумажку, на секунду откинулся, набрал в лёгкие воздуха, так, что у него чуть не полопались глаза и, припав к деревянной насадке, со всей дури дунул.

Медь отозвалась глухо, широко, раскатисто, как горло дома, которое наконец вспомнило, зачем его ковали.

Сверху, откуда-то над крышей, раздалось протяжное: «У-у-у-у-и-и-и-и-и-и-у-у-у-у...» и дом накрыла мощная звуковая волна. С крыши сорвалась стая птиц, шторы заполоскались в окнах, угрожающе зазвенела в шкафах посуда, пол и крыша заходили ходуном. Стурла успел придержать шлем, у Тафари и Леонара снесло шляпы. У остальных мгновенно разметало волосы, словно их приподняли и потрясли вверх тормашками. А довольный взъерошенный Носик, как ни в чем не бывало, оторвался, наконец, от трубы и удовлетворённо сказал:

- Как же я давно хотел это сделать!

- Тут же написано: «Нет!», - сердито ткнула растрёпанная Бёрнис в бумажку, которую подняла с пола.

- Так это мне отец написал. Лет пятьдесят назад. Уж больно мне в детстве дунуть хотелось. Да-а-а... натворил я тогда дел в долине... Даже вспоминать не хочу. Получил за это хорошенькую взбучку, - сказал Носик и потёр поясницу, - но сейчас я должен был доложить о вас...

Тут откуда-то издалека из-за холмов раздалось приглушённое: «И-и-и-и-у-у-у-у...»

- Ну, всё, - удовлетворённо сказал Носик, теперь уже через полчаса в Медикате о вас будут знать.

А в просвете между ограждений лестницы осторожно показалась удивлённая голова старца.

- Сиридин, поднимайся сюда!!! Выпьем по бокальчику лопушника, - закричал счастливый Носик, а потом повернулся к ремесленникам и объяснил, - я лопушник делаю лучше всех в округе. Секрет в том, что надо взять ровно десять унций лопуха и всего пять унций одуванчика и потом сквасить их в бочке. Да только надо не дубовую брать, а из-под...

- Одичал ты тут, - шикнул на Носика, поднимаясь в гостиную, Сиридин, - поболтать тебе не с кем! Говорил я тебе, заведи хоть кур, что ли. Или кошку. Какой лопушник в такой торжественный момент?!

Сиридин в волнении пригладил бороду, поправил кисточки на колпаке, выровнял венки на голове. Расправил складки штанов над голенищами алых сапог, украшенных крупными переплетающимися вензелями - СБ. Потом расплылся в улыбке, оперся на посох и, отвесив поклон, торжественно обратился к ремесленникам:

- Приветствую вас, Великие и Прославленные! Меня зовут Сиридин Бывалый. Я - глава Горячих топей. К которым и это болото, кстати, относится. Наша деревня находится в миле отсюда и считается...

- Да постой ты сам, - вскочив, будто его пнули, перебил Носик.

За окном уже стемнело, и он метался по комнате, зажигая свечи да керосиновые лампы:

- Сейчас, наверняка, пойдёшь хвалиться, про то, что вы больше всех лягушек наловили...

- Так если то правда, - сказал растерянно в усы Сиридин, пожимая плечами, - чего бы и об этом не доложить умным визидарам?

- А как там, в миру? - нетерпеливо спросил Носик у ремесленников, опять кинувшись копошиться в кастрюльках на кухоньке.

- Да по разному в миру, - развёл руками Итиро, - воин много, но много и достижений. Лампы электрические освещают дома. Есть радио, которое передаёт звуки на расстоянии.

- Телефоны, по которым можно говорить с тем, кто далеко, - добавил Леонар, - машины, что везде помогают человеку...

- Говорят на каком-то странном языке, - скосив в сторону Носика рот, сказал Сиридин, а ремесленникам громко добавил, - так что, люди, получается, стали волшебниками?

- Это называется прогресс, - объяснил Леонар.

- Да-а-а, вот так дела, - хлопнул себя по коленям Сиридин, - ну, мы будем есть или нет? - кинул он Носику.

- Да-да. Сейчас, - ответил тот и полез вниз в небольшой погребок рядом с лестницей.

Через секунду он уже вытаскивали из подпола разные припасы. Визидары помогли расчистить стол, подтащили и поставили рядом сундук, вытащили и своё съестное. И через полчаса дружная компания поднимала бокалы с лопушником:

- За славный праздник Самайн! - громко объявил Сиридин, - и за приход ремесленников! Уж теперь мы заживём новой жизнью, о которой только мечтали да загадывали! В Визидарии первый тост всегда про вас - за приход Прославленных!

Все чокнулись и отпили мутную тёмную жижку, которая оказалась горьковато-сладкой и, по-своему, вкусной.

- Вас теперь ждут в Медикате, - размышлял тут же захмелевший Носик, - надо дела передать да прочее.

- Да, Август Непомнящий, наверняка всю ночь не будет спать, - почесал бороду Сиридин.

- А кто это? - спросила Пинар.

- Глава Совета Визидаров, - подскочил Носик.

Он порылся в вырезках и протянул одну, где было изображение худощавого мужчины с суровым лицом, обрамлённым бакенбардами, в такой же шапочке, как у Тафари.

- Да, вам надо в Медикат, - размышляя, кивнул Сиридин, - я после застолья пойду в Горячие топи, а вы уж ночуйте здесь. Завтра всё равно в Медикат двинетесь через нас. Так в «Двух унциях» и позавтракаете. Я уж скажу, чтобы хозяева для вас расстарались!

Приступили к еде.

- Кто хочет небесной похлёбки? Я, правда, приготовил её Сиридину. Свою то порцию я съел с утра, - поднял одну из плошек Носик, где в голубом супе плавали кусочки, похожие на размокший хлеб. Это и точно напоминало небо с облаками в тарелке.

- Ну, уж предложи гостям, - облизал ложку Сиридин, вожделенно поглядывая на лазурную жижку, и добавил, объясняя, - небесную похлёбку готовить - надось уметь! Там всё мудрёно - долго и нудно. И едим мы её лишь на Самайн.

- Год ждёшь, месяц готовишь, а съедаешь за присест! - рассмеялся Носик, пододвигая расчудесную похлёбку ремесленникам.

Все вежливо отказались, а Стурла похлопал себя по животу, и, убедившись, что места для хорошей еды ещё навалом, радостно сказал:

- Раз никто не хочет, я отведаю.

Он пододвинул к себе тарелку и быстро умял всю похлёбку.

- Ох, до чего же вкусна штука. Похожа на наваристую уху, - отвалился Стурла от пустой посуды. - Зря вы отказались. Теперь вот будете ждать целый год, - сказал он, нравоучительно оглядев ремесленников и, причмокивая, облизал тарелку. - не то что твой, Пинар «пирог звездочёта», который правильнее было бы называть кошачьим. Эта небесная похлёбка - вот уж королевская еда!

- Да, жаль, что только в сентябре ползехвосты такие сочные, - кивнул, жуя кусок пирога, Носик, - но я придумал способ, как их сохранить подольше, до самого Рождества. Сейчас, Стурла, я тебя угощу!

Он вытащил из-под стола банку, где были пересыпаны солью мохнатые толстые голубые гусеницы.

- Гляди, какие жирные! - похвалился Носик, встряхнув насекомых, отчего те стали шевелить волосатыми лапками, - так что, Стурла, я тебе лично небесной похлёбки сварю ещё и зимой.

Ремесленники уставились на Стурлу, который заметно погрузнел, а в животе у него громко булькнуло.

- Брось. Не слушайте его, - раздражённо махнул рукой на банку Сиридин, - пробовал я твоих солёных ползехвостов. Гадость несусветная. Стурла, даже и не пробуй! С них не небесная похлёбка, а обманка. Только что цвет совпадает. А по вкусу, как будто он туда жжёных рогов добавил, которыми я сапоги натираю! Не ешь ту гадость, Стурла!

- Да я и не собирался, - покачал головой коротыш, аккуратно прикрыв рот рукой.

После этого пир продолжился, но уже иначе.

Стурла больше не ел с прежним аппетитом. Он медленно перебирал куски диковинного мяса и странных овощей на тарелке, нюхал, прижимал к губам, а потом тихо, почти шёпотом, спрашивал у тех, кто сидел рядом: из чего это, где брали, не касалось ли чего мёртвого. Каждый ответ он взвешивал, как охотник, который слишком хорошо знает, чем пахнет ловушка.

А Сиридин и Носик сидели напротив ремесленников и слушали жадно. Их глаза блеснули, когда те рассказывали о дорогах, о городах, где люди уже не помнят старых визидарских знаков, о том, как теперь в миру варят сталь и пекут хлеб. Каждый раз, услышав что-то новое,

они переглядывались с лёгким недоумением - как мир за порогом Визидарии вырос и изменился, словно небо с землёй поменялись местами.

- Да, - грустно протянул Сиридин, качая головой, - четыреста лет назад мы их сильно обгоняли. Так, что были для них кудесниками. А сейчас что получается? Эх-х-хе-хе... - он вздохнул, печально махнув рукой.

- Всё это проклятая Ужасная битва, - кивнул Носик, шмыгая.

Но тут взгляд Сиридина зацепился за сумочку Мэдлин. Он вздрогнул, уставившись на вышистые глаза и невежливо показав дрожащим пальцем, спросил:

- Дитя ночи, это не сумка мира?

- Дитя ночи? Сумка мира? - непонимающе повторила Мэд, - что вы имеете ввиду?

- Сумка мира соткана из чёрной материи. Говорят, если её вывернуть, наступит конец света.

- Ух ты, вполне возможно, - похолодела Мэдлин, прижав сумку крече. Зрачки её сузились, словно она держала в руках бомбу.

Ремесленники замолчали и переглянулись.

- А я помню, как ты хренакнула ею со всей силы мне по затылку, - жуя засмеялся Стурла, - получается миром меня придавила.

- Береги её, - мурлыкнула Волчица, толкнув подругу под локоть, - расслабься, вряд ли прямо сейчас будет конец света, дитя ночи.

- Сколько же мы о себе самих не знаем, - покачала головой Пинар.

- А почему Мэдлин - дитя ночи? - спросила Янмей.

- Ну как же! - Сиридин аж привстал от напряжения, собрал бороду в пучок, - Бёрнис - священная Волчица, здесь почитаема. Ей в каждом костёле открыты двери, как прародительнице визидарского начала - дитю света. Словно луч, она режет пространство и карает одним махом. Именно она ярко видит суть. Мэдлин... в ней сильно человеческое - дитя ночи. У нас в стародавние времена белокурых в церковь не пускали. Считали, что они, как тьмой, полны сомнений. Но они даны ей, чтобы останавливать неверное. Чтобы давать сомневаться и другим. Ей видения и правда приходят под покровом темноты. А ты, птичка, - погладил он девочку, - дитя зари и заката. Дитя равновесия.

- Ух ты, - Тафари сдвинул шапочку за затылок и почесал взмокший лоб Тафари, - и это гласят легенды?

- Такова вера предков, - Сиридин сурово сдвинул брови, - а что, я неправ?

- Прав-прав, - Стурла весело подцепил вилкой солёный гриб, - в самую точку!

- Расскажи ещё что-нибудь о сути визидарской, - попросил Леонар Сиридина.

И разговор, как костёр, в который подкинули сухого валежника, разгорелся сильнее.

Ремесленники теперь сами засыпали Сиридина и Носика вопросами - о здешней жизни, о малумах, о той Ужасной битве, о которой до сих пор шептались только по ночам. Каждый ответ вызывал новые вопросы, ремесленники пытались наверстать годы, проведённые в неведении и домыслах.

Беседа кипела, пока Янмей не стала медленно клевать носом. Голова её всё чаще падала на грудь, ресницы дрожали.

Как только это заметили, Сиридин резко поднялся. Подхватил посох, натянул шапку до самых бровей и, переполненный всем услышанным, объявил, что ему пора домой.

Все спустились проводить его до дороги.

Ночной воздух был прохладным и густо пах кислыми болотными травами.

Пока прощались, Мэдлин ненадолго отвлеклась - она заметила в трясине рядом с дорожкой ожерелье. Даже потёрла глаза, не поверив собственному зрению - возможно, это была даже диадема, мерцающая в темноте перламутром. Каждая заострённая жемчужина была необычной закрученной формы, но вместе они составляли прекрасную вереницу, замыкающуюся

в нечто великолепное. Это переливалось и манило. Мэд захотела вытащить украшение из жиденьких кустов и разглядеть поближе. Только она протянула руку, как Сиридин легонько дал ей посохом по пальцам. И нравоучительно сказал:

- Это вулуокл. В здешних местах их много. Его челюсти, словно капкан. И если не хочешь лишиться пальцев, то лучше их не трогать.

В подтверждение своих слов он сделал вид, что хочет подцепить драгоценность посохом. Только он его поднёс ближе, как ожерелье сомкнулось, оказавшись зубами пухлого хищника - помеси бульдога с крокодилом, которое, повиснув на плаке, беспомощно затеребило шестью лапками в воздухе оцетинившегося тельца.

- Мал ещё, - изрёк Сиридин, - мал, да удал, стервец.

- Ой... - Мэд отступила на шаг.

Старик размахнулся и забросил тушку подальше в чёрную тину. Вода глухо плеснула и снова застыла. Мэдлин всё ещё смотрела на заводь.

- А зубы-то у него... какие красивые.

Носик хмыкнул, но без весёлости.

- Ага. На них он и ловит. Острые, витые. Я их вытаскиваю, когда удаётся. Продаю тем, кто носит настоящее оружие. Такие зубы дают защиту. Будто сами помнят, как кусали, и не дают чужой стали подойти слишком близко.

Стурла только крикнул - мне бы такой амулетец!

Раскланявшись, Сиридин затопал по дороге и ночь мгновенно скрыла его, чуть прихрамывающую, фигуру. Сиридин шёл быстро, будто боялся, что новости вытекут из него раньше, чем он доберётся до своего дома.

- Как пить дать, сейчас ещё заскочит к Кормаку и Крвану. И просидит у них до полуночи, - ещё раз махнул скрывшейся тени вслед Носик.

Потом Носик обернулся к ремесленникам:

- Пойдёмте. Устрою вас наверху.

Они поднялись в мансарду уложить Янмей. Круглая спаленка, низкий потолок, одна широкая овальная кровать и узкий топчан. По стенам - пыльные полки, забитые книгами. Над изголовьем кровати висел высохший венок. Цветы давно потеряли цвет, но всё ещё держали форму.

- Это лилелоя моей матери, - тихо сказал Носик, кивнув на него. - Со дня свадьбы с отцом. У нас так принято. Хранят.

Он помолчал.

- Они вас ждали. Родители. Дед. Прадед. Легенды слагали. А встретить довелось только мне... Как будто я какой-то особенный, - Носик опять зашмыгал. - Может, я слишком много говорю? Извините. Мне ж почти не с кем разговаривать. Остались только газеты да романы наших писателей.

Он указал на полку с истрёпанными корешками. Мэдлин сняла одну книгу. На обложке едва читалось: «Путешествие визидара Гудвина в Чёрную крепость».

- О... Это моя любимая, - вздохнул Носик. - Как Гудвин победил малумов и освободил мир. Выдумка, конечно.

- Это называется фантастика, - мягко сказал Леонар.

- Да? А мы зовём сказками для взрослых.

Вся женская половина ремесленников осталась наверху, они почти сразу улеглись. Мужчины спустились в гостиную и устроились на полу. Спать никто не мог. Говорили тихо, о жизни, о том, что увидели.

Когда погасили последний огонь, в комнате появился белёсый туман. Он стелился низко, цеплялся за фигуры визидаров и складывался рядом с ними в смутные силуэты.

- Что это? - приподнялся Тафари, указывая на ближайшую тень.

- Музы, - широко зевнул Носик. - А у вас ночью их не видно? Это тень силы, след рода. И мысль визидача, если она слишком сильна. Или страсть. Говорят, в них отражение предков... и их помощь.

Он ещё что-то пробормотал, повернулся на бок и засопел. Вскоре захрапели Марио и Стурла.

Остальные визидады шептались до самого утра. Всё вокруг было слишком странным. Слишком живым. И слишком похожим на сон, из которого уже не хотелось просыпаться.

Время от времени за стенами начинали трепыхаться ленты, брнчать друг о друга банки, а потом дом со скрежетом поворачивался: трещал стенами, скрипел ставнями, ворчал внутренностями, как древний старик бормочущий в забытьё былое. Тогда ремесленники замолкали, вглядываясь в темень за окнами.

...Как только рассвет раскидал по стенам солнечные блики, Носик вскочил, словно ноги его были на пружинках, потянулся и, подбежав к трубе, снова дунул в неё со всей мочи. От резкого звука сотрясшего округу, дремавшие визидады проснулись и удивлённо уставились на Носика. А он, как ни в чём не бывало, развёл руками и объяснил:

- Последний раз дул. Вы проснулись, и об этом должна знать вся страна.

- Логично, - сладко потянулся Стурла, - тогда давай корми нас.

Но Носик присел на диванчик и грустно вздохнул.

- Ну, вот и закончился мой звёздный час, - печально забормотал он. - Вы визидады знаменитые, Прославленные. Теперь вам будет не до меня.

- Что ты, - сказал ему Итиро, - какие мы знаменитые? Мы обычные, такие же, как ты. В конце концов - ты первый живой визидадец, которого мы здесь встретили. И мы тебя никогда не забудем.

- Особенно твою небесную похлебку, - пытаюсь скрыть зевок, покачал головой Стурла.

- Я то вас точно не забуду. Сиридин всегда говорит - вырасти в своих глазах синтезию. Всмотрись, запомни. Впитай. Этого у тебя никто не отберёт. Воспоминания - самое дорогое, бесценное, это принадлежит тебе навсегда. Потому что остаётся в твоём сердце...

- А что такое синтезия? - поймал новое слово Леонар.

- Такое растение. Теперь уже мифическое. У него были чудные листья - они вызревали полностью только на одно мгновение. Но то, что увидят в этот момент, запечатлят навсегда. Вся синтезия погибла, когда пришёл туман... Он нас спас, но Визидария принесла жертву растениями и животными. Многие сгинули навсегда. Вот, та же синтезия, например. Где её таперица сыщешь? Завеса нас бережёт, но она же смешала все времена года. Теперь у нас вечная весна...или осень... А снега мы, почитай, четыреста лет не видели...

- Ну что же, надо вставать, - потянулся, хрустнув суставами, Тафари. Он услышал, что наверху проснулись - оттуда раздавался приглушённый смех и топот Янмей.

Носик опять заносился юлой по крохотной кухоньке.

- Интересная у вас посуда, - тихо рассуждал Итиро, разглядывая чашки и сковороды, наваленные на полке. Он провёл пальцем по желтоватой ручке одной из кастрюль и поскрёб её. - Напоминает кости...э-э-э дракона, мы такую нашли.

- Так и есть, - кивнул Носик. - Крупные то драконы давно перевелись. Остались только крохотные, домашние. Те, что ещё умеют немного летать, да как летать - ковылять по воздуху, держат для хозяйства. А кости тех монстров - исчезнувших видов, добывают из земли, собирают по пещерам. Делают из них ручки, утварь всякую. Они не горят и почти не нагреваются...

Парень засуетился, схватил жбан с тёмно-изумрудным порошком и начал отмерять его прямо в чашки.

- Сейчас сделаю вам по чашке хиларитаты.

- Чего? - насторожился Стурла. - Что ты там опять собрался варить? Не очередных червей?

Визидары непонимающе переглянулись.

И тут пришла очередь удивляться уже Носику. Он замер с ложкой в руке, глядя на них так, будто впервые понял, из какого далёкого и странного мира они пришли.

- Как?! Вы не знаете, что такое хиларитата? Её ещё зовут просто тата? - Носик с надеждой заглянул в глаза Пятрасу, потом обвёл взглядом остальных. - Ну вы даёте... Сейчас почувствуете. Божественный вкус.

Он сочувственно покачал головой:

- Тату здесь пьют все. В любом поселении обязательно есть татошные лавки - продают порошок на развес или уже готовый напиток в стаканчиках. Особенно мне нравятся магазинчики Лулы. Красно-зелёная вывеска, на ней чашка с пузырями. Неужели у людей нет таты? Невероятно...

Он пожал плечами, словно до сих пор не мог в это поверить.

- У людей есть свой божественный напиток. И не один, - спокойно сказал Леонар, пригладивая бородку и накручивая усики перед маленьким зеркальцем. - А из чего делают вашу хиларитату?

- Из плодов одной лианы... Но растение это растёт только высоко. Только там, на ветру, набирает свой настоящий вкус. Пробовали сажать на земле - бобы вырастают, а напиток из них уже не пузырится.

Носик кипятил воду, помешивая костяной ложкой.

- Выпьешь кружку - и хрясь! Двенадцать часов ни сна, ни усталости. Учёные ремесленники когда-то изучали это. Установили, что хиларитата временно отключает у визидарцев центр сна. Я как раз недавно перечитывал...

Он кивнул на столик, где лежала толстая книга: «Хиларитата - бобы, дарующие бодрость. Последние исследования. 1517 год».

- Ого, какая древняя, - присвистнул Итиро, разглядывая фолиант.

- Это переиздание, - объяснил Носик. - Со времён Ужасной Битвы у нас никаких новых исследований ничего и никогда не было. Но теперь... - он слабо улыбнулся, - когда пришли вы, всё изменится!

- Где ни живи, - глубокомысленно произнёс Тафари, - там всегда найдётся своя хиларитата. Дающая бодрость. Только называться будет иначе.

Носик тем временем взял интересную кастрюльку - татоварку, как он её назвал. Кастрюля состояла из двух частей. В нижнюю - стальную, Носик налил ингредиенты: воду и изумрудный порошок. Когда он поставил её на плиту, то в верхнюю - прозрачную стали подниматься зелёные пузырьки. Когда стеклянная чаша наполнилась плотной пеной, Носик накрыл её выпуклой крышечкой, ловко перевернул посудину и наполнил из неё бокалы.

Темно-зелёный пузырящийся напиток оказался очень душистым - он пах апельсинами и хвоей одновременно.

- Очень вкусно, - облизнула позеленевшие губы Янмей, которой дали всего несколько глотков.

От таты внутри расцвело и повеселело. Мир стал чётче. Мысли - спокойнее. А будущая дорога уже не казалась бесконечной.

Визидары быстро привели себя в порядок и собрались в путь.

- Ой, подождите... я опять кое-что забыл, - снова, как подстрелянный заяц, подскочил Носик, когда вещи уже были собраны.

Он нырнул в подпол и вытащил большой, потрёпанный мешок. Внутри лежали десять одинаковых накидок.

Пинар развернула одну. Поднялось облако пыли. Серо-зелёный шерстяной плащ, по краю - синяя лента с тусклым узором.

- Надевайте, - торжественно чихнул Носик.

- Зачем? - удивилась Пинар. - Это какой-то защитный ауксил? У этих плащей есть особые свойства?

- Нет, - покачал головой Носик. - Вернее, да - они из шерсти специальных овец, очень тёплые. А на пустошах при наших ветрах это важнее любой магии.

Все натянули накидки. На Стурле и Янмей они выглядели нелепо - длинные, как шлейфы. Тафари плащ был коротковат. А на Пятрасе и вовсе едва прикрывал спину - и смотрелся на нём так, будто он накинул дамскую манишку.

- Мо-мо-можно... - снова заикаясь, проговорил Носик. - Можно те, что вам не подойдут, я оставляю себе? Именно в таких плащах вас рисуют.

- Рисуют? Где? - нахмурился Тафари.

Носик полез в шкаф с подшивками газет и вытащил выцветшую вырезку.

На ней были изображены все десятеро. Они стояли на скальном выступе в этих самых плащах, опираясь на мечи, и сурово смотрели вдаль. Лица были искажены, но всё равно узнаваемы. Только рост не совпадал: Стурла, например, был нарисован почти вровень с Пятрасом.

Ремесленники обступили картинку. Газета была очень старой. Но на изображении присутствовали все - даже маленькая Янмей.

- А как такое возможно? - спросил Тафари у Носика, удивлённо потирая переносицу.

- В Визидарии растёт трава, которую можно употреблять только предсказательницам. Она наделяет даром предвидения. Это кастевидеус.

- Кастевидеус? Ничего себе. Сколько же у вас интересных растений! - покачала головой Пинар.

- Ах, я уже упоминал, куча их них погибла, - загрустил Носик, но потом снова воспрял - эмоции на его лице не успевали сменять друг друга, - Ну так вот, Сивилла Аурелия предсказала ваш приход ещё сто двадцать лет назад, - прояснил визидарец. - Она увидела ваши лица в своём видении и нарисовала. И теперь эта картинка у многих висит дома рядом со святой Девой Визидарской, чьё главное изображение пропало как раз в Ужасную Битву... - тараторил Носик. - Так что мы лица ваши знали уже давно. Только имён не ведали.. И когда вы придёте, тоже не знали. Хотя...некоторые...не верили Аурелии, говорили, что вы - плод её фантазии.

Носик помолчал, помялся, а потом, набравшись смелости, спросил:

- А можно.... - его голос упал до шёпота. Он вжал голову, боясь отказа, - можно я провожу вас до Медиката? Мне здесь теперича всё равно делать пока нечего.

- Можно, - сказал Стурла и сунул ему свою накидку, - только пойдём уж скорее!

Носик вцепился в неё, надел на себя и завязал дрожащими пальцами. Хотя она и ему была несколько велика - волочилась по полу, было видно, что сам он так не считал. Он гордо разглаживал ленты и с трепетом гладил ткань. Его лицо светилось неприкрытым детским счастьем и благоговением.

Когда вышли из дома, к голубому шесту, стоящему недалеко от входа, спланировал крупный ворон. Оперение птицы было чернющим до синевы, а клюв, как и лапки - позолоченными. Ворон важно уселся на шест и оглядел присутствующих. На груди у него был потрёпанный чехол из которого торчала свёрнутая трубочкой газета. Птица скинула газету, посидела секунду, с удивлением разглядывая ремесленников.

- Ого, вам почту разносят вороны?! - удивилась Пинар.

- Да, - кивнул Носик, закрывая дверь на замок, - но это не просто вороны. Они дети птиц бога Одина. Как известно, их у него было двое воронов. Один - Хугин, что означало мысль, другой - Мунин. Это переводилось как память. И все вороны Визидарии - их потомки. От этого они такие одарённые и почитаемые... Тот, кто застрелит ворона считается убийцей и проклятым, - Носик подошёл к почтовому ворону, поклонился ему и добавил, - лети. Обратной почты нет.

Ворон зычно каркнул и, поднявшись ввысь, быстро исчез из вида.

Тафари подобрал и развернул свежую газету и увидел всё тот же рисунок, который они недавно разглядывали. Под ним было написано: «Ликуй, Визидария! Воскресли десять Прославленных. Они вернут волшебство в наши дома, свет в наши души и покой в нашу страну!!! Их имена: Тафари, Бёрнис, Пинар, Леонар, Марио, Итиро, Мэдлин, Пятрас, Янмей и великолепный Струила.

- Вот ведь! Какой я им Струила. Неправильно только моё имя написали, - насупился Стурла.

- Не расстраивайся, мы скажем им об ошибке. Однако они тебя единственного назвали великолепным, - Пинар успокоительно погладила по шлему коротыша.

Носик расправил плащ на груди и воодушевлённо сказал:

- В путь!

Они пошли по дороге мимо указателя: «Горячие Топи, 4 мили».

Уже через полмили стало ясно, насколько сильно их здесь ждали. У первого же хутора через пол мили. Это была группа домишек на вертлявниках пониже, чем на болоте у Носика. Они стояли в отдалении от дороги, но жители хутора двумя большими семьями вышли к центральной дороге. Стояли молча, на почтительном расстоянии, и смотрели. Не как на путников. Как на тех, о ком рассказывали поколениями.

Носик сложил ладони рупором и важно им крикнул:

- Привет, Кормак! Привет, Кереван! Вот... ремесленники. Попросили проводить!

Некоторые мужчины из стоявших у дороги быстро склонили головы. Затем левой сжатой кистью коснулись лба, груди, потом живота и подняли открытую ладонь вверх.

Носик ответил им тем же жестом.

- Что за знак вы подали друг другу? - спросила Янмей.

- Это особое приветствие, - объяснил Носик. - Обычно мы просто машем или обнимаемся. Но когда происходит что-то по-настоящему важное, визидарец приветствует иначе. Первое касание - разум. Второе - сердце, полное любви. Третье - жизнь и честь. Открытая ладонь после значит: в руке нет камня. И что мы вместе, как пальцы одной руки. Один разум. Одно сердце. Одна жизнь. Одна честь на всех..

Он помолчал.

- У каждого, кто считает себя воином, на правом предплечье стоит знак визидара. Его мастера наносят в восемнадцать. Говорят, раньше он появлялся у избранных сам по себе. Но это так, из старых бабкиных баек.

Пятрас задрал рукав и показал ему предплечье, покрытое плотными узорами:

- Вот такой знак? - уточнил он.

Носик едва дотянулся до рисунка и ткнул пальцем в колесо визидаров среди сложных переплетений.

- Ух ты! - парень аж нервно хрюкнул от удивления. - Да... Только у тебя слишком большая и особенная печать. Знаешь, что написано в твоих узорах? Там сказано, что ты - великий предводитель. Полководец.

- Я - защитник. Всегда это чувствовал. И знал, - сказал с достоинством Пятрас и зашагал дальше.

...Вскоре показалась первая деревушка. Она началась с деревянной вывески, а дальше потянулись домики, окружённые низенькими каменными заборчиками. Часто в них встречались малюсенькие калитки. Совсем крохотные. Разве что для кошки?

- Это для животных? - спросила Бёрнис, указывая на одну такую калитку.

- Нет, для королевских бурозубок, - мотнул головой Носик, - многие местные дружат с ними. Это единственное животное, которое в Визидарии приобрело разум за счёт магии. И то случайно, потому что специально делать этого нельзя по закону...

Он не успел договорить. Из домов на дорогу стали высыпать визидарцы. Многие из них по такому случаю нарядились. Они стояли по обочинам и махали руками. Мужчины их приветствовали только как воин воина. Среди взрослых бегали дети - в самодельных плащах и с палками вместо мечей.

- Кажется, они изображают нас, - кивнув на группу переодетых ребятишек, заметила Пинар.

- Смотрите, смотрите! - кричали люди, не в силах скрыть восторг, - великан!!! А этот какой грозный в шлеме! А девушки?! Вы видели кого-то прекрасней?! А ты заметила их сапоги?! А ты увидел пряжку на поясе? Я себе хочу такую же!!! А какой костюм у того седого ремесленника?!!! Вы видели что-то подобное?!

Визидария ликовала.

На площади Горячих Топей их обступила со всех сторон уже густая толпа народа. Шум, гам, толчея. Каждый хотел подойти поближе и увидеть Прославленных собственными глазами.

Им навстречу из толпы вышел Сиридин. Сегодня он был в золочёном сюртуке, шапочке без полей, богато украшенной вышивкой лиловых птиц. И в невероятных сапожках чёрно-синего цвета. По ним бегали сполохи и мерцали звёзды.

- Поглядите-ка, - уставился на чудную обувь Стурла и присвистнул, - у тебя, Сиридин, сапоги с переливами, как северное сияние.

- Да, - гордо покрутил носком сапога Сиридин, - это ауксил от моего отца. Они из кожи летающих китов, что водятся на самом севере. Иногда те киты сбрасывают кожу, вот из неё-то и шьют эти сапоги. В них можно ходить по воде. Если... ну, - тут он почему-то смутился, замешкался, видно, вспомнил что-то, - если изловчишься и устоишь, конечно...

Сиридин выпрямился, взмахнул посохом, чтобы остальные визидарцы расступились и гордо проводил ремесленников до харчевни над которой висела яркая вывеска «Две унции».

Сбоку от входа в харчевню ремесленники увидели загон, за которым топталось крупное животное. Сначала им показалось, что это странная лошадь или корова. Но тут она взмахнула большими крыльями и подняла голову.

- Ух ты, дракон! - выдохнули ремесленники разом.

Янмей вцепилась в грязные доски ограждения и не могла оторвать взгляд от гладкой драконовой кожи и его тёмно-серых ребристых крыльев. Остальные тоже подошли ближе и с любопытством разглядывали живую легенду.

- Хей, - обратился к дракону Тафари, - как тебя зовут?

Но дракон недоумённо уставился на Следопыта и напряжённо рыкнул, выпустив из пасти небольшое облачко дыма.

К ремесленникам подбежал хозяин харчевни - суетливый рыжий мужчина, в цветастом жилете и смешной узорчатой шапочке с маленьким, подпрыгивающим на каждом шагу, помпоном на макушке. Хозяин шумно поприветствовал Прославленных и проводил их внутрь.

Внутри харчевни все стены были увешаны какими-то старыми портретами, пейзажами, на рамах которых тускло посверкивали янтарные вкрапления. Отшлифованный в виде скреплённых меж собой округлых пластин и капель, янтарь висел и на окнах, красиво преломляя свет:

- Когда солнце всё время размыто, янтарь напоминает, как оно выглядело, - грустно усмехнулся, хозяин, увидев, что Мэдлин трогает янтарные подвески.

Хозяин суетливо подвёл их к приготовленным столам, богато заставленным едой, и представился:

- Меня зовут Репейник. А вот моя жена, - он показал на дородную улыбчивую визидарку в широкой красной юбке, расписном фартучке и такой же шапочке, как у мужа, - её зовут Тыковка. Мы из лис-оборотней, поэтому не обращайтесь внимание, на то, что мы обрастаем

шерстью, - он закатал рукав и показал рыжий мех на руке, - это всегда бывает перед зимой, - заулыбался он, показав клычки.

- А почему ваша харчевня называется «Две унции»? - спросила у Тыковки Мэдлин.

- Может, у них порции по две унции? - предположил Стурла.

- Нет, порции наши гораздо больше, - улыбнулась Хозяйка, опуская на стол жаркое в огромной супнице.

- Как?! Вы не знаете?! - удивился Носик, затесавшийся среди остальных.

Все сняли накидки, кроме него. Он привстал из-за стола и объяснил:

- Две унции весит мушкетная пуля.

- Мушкетная? - переспросил, не поверив ушам, Леонар.

- Мушкеты - это же какое-то древнее оружие? - шепнула Мэдлин Бёрнис.

- Да, это оружие у нас есть в арсенале, - важно кивнул Сиридин. - Когда-то, перед Ужасной битвой нам их только завезли и Аластар Справедливый велел снабдить солдат мушкетами. Но их и тогда на всех не хватило. Дружина в те времена была для охраны земель и порядка. Сейчас же дружина разрослась и стала защитной. И теперь каждый молодой и здоровый визидарец, кто, конечно, пожелает, должен пройти военную подготовку. С мушкетом!

Тыковка и Репейник сновали вокруг стола, торопливо разнося миски и кувшины.

А Сиридин, встал, прокашлялся, поправил на шее большую медаль, которая, видимо, обозначала его важный статус, и заговорил уже совсем другим, торжественным голосом:

- Дорогие Прославленные, сегодня я получил известие от Августа Непомнящего. Он с волнением мне сообщил, что всё готово к вашей встрече. Медикат в ожидании. Вам подготовлено жильё и бумаги...

- А на чём всё же мы будем туда добираться? И сколько времени понадобится на дорогу? - уточнила Мэдлин.

- У вас есть какие-нибудь...ну...мётлы что ли? - поинтересовался Тафари. - Ведь не может быть, чтобы не осталось никаких магических предметов со времён наших предков? Отец мне рассказывал, что Визидария славилась волшебством.

- Ну, действующих мётел штук двести-триста в долине есть, - влез в их разговор Репейник. - Иногда их можно увидеть. Но ими пользуются в основном по старинке пожилые. Или молодёжь для забав.

- Почему? - спросила Бёрнис.

- Мётлы летают медленно. До Медиката на них будете добираться двое суток, да с первого раза на них и летать то не получится... А так до города можно найти транспорт и побыстрее. Хоть ту же лошадь. Тогда путь займёт часов восемнадцать, - объяснила Тыковка, наливая Янмей молока, которое оказалось чёрным.

- Ой, а почему оно такое? - спросила у неё девочка.

Тут уж пришла пора удивляться Тыковке:

- Деточка, а какое же ты пьёшь? Неужели белое? Это же от сахарумских коров, их молоко тёмное и сладкое. Именно на нём варят тату. Вы знаете, что такое тата?

- Сегодня они пробовали её впервые, - вставил Носик, - я готовил её на воде, чтобы сразу их не шокировать. В миру у них не то что нормального молока, много чего нашенского не было!

Репейник и Тыковка переглянулись. В их взглядах читалось недоверие.

После хозяин харчевни продолжил рассказывать про летающие мётлы, подкладывая на стол новые кушанья:

- Вам надо потом будет хоть раз попробовать полетать на метле, - говорил он, нравоучительно кивая. - Они жутко неудобные. У нас есть где-то на чердаке. Правда, кажется, совсем порченная. Вы когда-нибудь пытались летать на палке? Ну, попробуйте! Это ж мучение! Во-первых, так и тянет перевернуться. Руки скользят, тело перевешивается вниз, затекает и сложно удержаться.словно ты на каком-то насесте. Который так и норовит выскользнуть.

Мухи да мошкара так и норовят тебе в рот залететь... Бр-р-р... Сплошное мучение. И потом, во-вторых, и это самое главное, - он наклонился и, чуть тише, доверительно добавил, - метла уж-ж-ж-асно врезается в зад! Он тут же немеет так, что потом и на ногах устоять не можешь.

Тыковка услышав мужа, недовольно кинула:

- Ты бы меньше ел, Репейник, и метла бы не так травмировала твой зад.
- Граспек, - кивнул ей муж, и она, услышав это, отчего-то поджала губы.
- Так как всё же мы будем добираться до Медиката? - вернулась к теме разговора Пинар.
- Может, полетим на драконах? Мы видели одного у вас рядом с домом, - предложил

Итиро.

- На драконах? - лицо хозяина харчевни вытянулось ещё больше, - драконы неповоротливы и себя-то в воздухе почти не держат, - объяснил он, - разве что только лазоревые? - он задумался, а потом отмахнулся, как от ереси: «нет, не может быть» - Их используют крестьяне на летающих фермах. Говорят, раньше драконы были большими, летающими. Но это опять таки... только в легендах.

- А зачем тогда вам драконы? - спросил Стурла.

- Как зачем?! - остановился Репейник, выпучив глаза. - Тяговая сила. И самое важное - они несут яйца.

Леонар аж привстал от удивления и недовольства.

- Но, позвольте... Это возмутительно... Ведь раньше... Мои предки... В книгах сказано... Как же так? Просто несут яйца?! - граф не мог собрать в голове мысли и они, наскაკивая друг на друга, путались в его сознании. - Драконы-наседки?! Да что же это такое? - возмутился он.

- А в людском мире едят яйца куриные, - Стурла почесал слипшуюся от жара, исходящего от очага за спиной, бороду.

- Правда? - пришла пора удивляться Репейнику, - вот интересно. Они ж малюсенькие. Одним яйцом дракона может накормить всю семью. Это ж сколько надо куриных?

- С ума сойти, - нагнулась Бёрнис к Леонару, - они используют драконов, как кур? А куры им тогда на что?

Но свой вопрос она не успела повторить громко, её перебил Тафари.

- Расскажите, какие толы у вас остались в распоряжении? Какие ауксилы? -спросил он.

- Все немногочисленные толы собраны и закрыты в Стоунбоне - это единственная оставшаяся из пяти Ремесленных Мастерских. Там находились основные лаборатории, велись исследования. Во время Ужасной битвы в Стоунбоне включили защиту. После самого сражения, когда Визидария осталась в руинах, Советом Визидаров было принято решение опечатать и закрыть Стоунбон. До вашего прихода. Что и было сделано.

- Почему? - удивился Леонар, - ведь вы могли пользоваться толами и теми знаниями, которые остались в стенах этой мастерской? Как её... Стоунбона?

- Нет, - помотал головой Сиридин, - ремесленников то не осталось. Когда напали малумы, они уничтожили весь свет профессуры и всех ведущих специалистов. Малумы охотились за толами и ауксилами, поэтому, погибая, визидарцы уничтожали их сами, чтобы те не достались врагам. Так что почти все магические предметы исчезли. Их просто нет. Кое-что осталось... Но это обычные бытовые ауксилы. И потом, в стенах Стоунбона ценнейшие книги, материалы и незавершённые работы. Там запасы волшебных веществ, многими из которых никто не умеет пользоваться или воссоздать при необходимости. Именно поэтому Мастерские были закрыты. Если бы этого не сделали, то мы бы давно использовали всё то, что там нашли. Но смогли ли бы мы продолжить дело ремесленников? Вряд ли. Неразумным детям не дают в руки лучшее оружие. Им они могут себе навредить.

- Но детей можно научить, - возразил Тафари.

- Кому обучать? Все были уничтожены. В те дни Визидария жила с ощущением Конца Света. Он пришёл для двух из трёх жителей страны. А оставшиеся ждали его с минуты на минуту, - пояснил Сиридин и склонил голову, - до сих пор живы несколько визидарцев, заставших те времена. И они всегда плачут, когда вспоминают Ужасную битву... Сколько веков прошло, а они плачут.

- Но ведь что-то осталось из магических инструментов? - в отчаянии спросила Мэдлин.

- Да. В каждом доме что-то да есть, - кивнула Тыковка. - Всякого хлама по наследству досталось. Но с них толка мало. У меня из ауксилов есть котелок, который кричит, когда еда готова. И ложка-загребалка, она делает любую еду жирнее. Поэтому у меня самая вкусная похлёбка, - похвалилась она.

- Ну, у старьёвщиков, что без усталости колесят по Визидарии, всегда можно выискать в телеге что-нибудь интересное из старинных ауксилов, - рассуждал Репейник, почесав лощеную щечку, - хотя там много сломанного, того, что и не восстановишь... Но вот намерен я купить у них прыгающий в руки молоток... Страсть как обожаю их торговые балаганчики.

- По мне, так ты любишь с ними торговаться до синих слюней, - возразила Хозяйка и добавила, - А у меня из живых ауксилов - самые точные погодные куры.

- Погодные куры? - удивилась Пинар.

- Ага, вон они, в клетке на окне, - кивнула Тыковка, - куры у нас предсказывают погоду.

Действительно, на окне, куда показывала Тыковка, в просторной резной клетке, украшенной маленьким декоративным флюгером, сидели две пёстрые курочки, которых раньше никто не заметил. Ремесленники переглянулись: куры как куры. Только на шее у каждой ленточка. У одной - тёмная. У другой - светлая.

Пинар встала и подошла к клетке с птицами. Сначала казалось, что они просто квохчут, но потом стало понятно, что одна говорит другой:

- Холод, завтра холод.

А другая кудахтала:

- Тепло, будет тепло!

- Все куры в Визидарии - предсказательницы. У них можно спросить любое, но обычно куры говорят о погоде. В ней они разбираются лучше всего, - объяснила ей Тыковка, - Курочки-предсказательницы пользуются большим спросом у фермеров. Всегда всё точно подскажут: сеять сегодня или нет. Ждать ветра или буря пройдёт стороной...

- Так отчего же они предсказывают разное?

- А что ж такого странного?! У каждой из курочек своё мнение. Их обычно и покупают по две. И одна из них обязательно оказывается права, - разъяснила недогадливой Пинар Тыковка.

- Логично, - переглянулись Тафари с Леонаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.